

18+

СЕРГЕЙ ШАНГИН

ГОВОРЮ ОТ ИМЕНИ МЕРТВЫХ

Сергей Шангин

Говорю от имени мёртвых

«Издательские решения»

Шангин С.

Говорю от имени мёртвых / С. Шангин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852013-6

Желание обладать экстрасенсорными способностями часто приводит к большим проблемам. Даже получая с их помощью большие деньги, не каждый сможет стать богатым и счастливым. Способность — не только дар, но и испытание. Нашему герою «повезло» получить дар, позволяющий живым общаться с умершими. Доброе дело, приносящее хорошие деньги, неожиданно превращает жизнь героя и близких ему людей в кошмар, ввергая их в водоворот событий, связанных с криминалом, властью и политическими баталиями.

ISBN 978-5-44-852013-6

© Шангин С.
© Издательские решения

Содержание

АНОНС	6
Серия «Иной мир»	7
НИКТО	8
НИ С ЧЕМ	10
ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ	12
НЕ БЫЛО СЧАСТЬЯ, ТАК НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО	14
КООПЕРАТИВ «НАДЕЖДА» ИЛИ ДУРАК УЧИТСЯ ТОЛЬКО НА СВОИХ ОШИБКАХ	19
ТЫ ИДИЙЁТ, МОЙША!	24
БЫТЬ НА БАЗАРЕ, НЕ ЗНАЧИТ СЛЕДИТЬ ЗА БАЗАРОМ	26
НЕ БЫВАЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ, БЫВАЮТ НЕПРАВИЛЬНЫЕ ПЧЕЛЫ	30
ПОТАЙНАЯ ЛОВУШКА	32
ПОРУЧЕНИЕ С ТОГО СВЕТА	39
ГОНЦЫ ДЬЯВОЛА	49
ЗДРАВСТВУЙ, МАША!	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Говорю от имени мёртвых

Сергей Шангин

© Сергей Шангин, 2020

ISBN 978-5-4485-2013-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АНОНС

Желание обладать экстрасенсорными способностями часто приводит к большим проблемам. Не имея дара, но желая заработать на доверии людей, человек становится мошенником, наловчившись изображать из себя медиума или целителя, дурача людей и получая за это деньги.

Гораздо хуже, когда способности проявляются на самом деле. Даже получая с их помощью большие деньги, не каждый сможет стать богатым и счастливым. Способность – это не только дар, но и испытание. Нашему герою «повезло» получить способность соединять два мира, позволяя живым общаться с умершими.

Доброе дело, приносящее хорошие деньги, неожиданно превращает жизнь героя и близких ему людей в кошмар, ввергая их в водоворот событий, связанных с криминалом, властью и политическими баталиями.

Серия «Иной мир»

Книги этой серии объединяет мысль о жизни после смерти, в которую можно верить или отрицать. Но даже самый заядлый атеист и спорщик втайне верит, смерть не означает конец жизни. Есть люди, которым дано видеть иной мир, общаться с его жителями, управлять энергиями, воздействуя на оба мира. Чтобы окунуться с головой в атмосферу приключений героев этой серии, рекомендую прочитать книги в следующей последовательности:

- «Говорю от имени мёртвых»
- «Проект „PlatZдарм“: Вторжение»
- «Проект „PlatZдарм“: Говорю от имени живых»
- «Проект „PlatZдарм“: Катарсис»

Книги можно приобрести в интернет-магазинах: ЛитРес, Озон, Амазон, Ридеро

Моя «полка» в издательстве «Ридеро»

https://ridero.ru/author/shangin_serger_izrgk/

Нет ничего невозможного в этой жизни, как нет этого и в иной, потому что всё невозможное таится в нашем страхе совершить ошибку.

Я знаю, что вода мокрая и прохладная, а луг, разогретый солнцем, пахнет разнотравьем. Можно сидеть на стуле, потому что он твёрдый и устойчивый. Если меня ударят по морде, будет не просто обидно, но больно. Пока я помню это, моя жизнь продолжается даже после смерти! Настоящая смерть наступает, когда ты забываешь о том, из чего состоит жизнь!

НИКТО

– Чо, пацан, гони мобилу! Ну, ты чо, как не родной? Давай-давай, шевели крабами, людям нужно срочно позвонить!

Господи, ну я же не хотел здесь идти, что меня понесло пойти дворами? Всегда хожу по освещённым улицам, а тут, как назло, решил сократить дорогу —неожиданно приспичило, видно съел что-то не то в кафе.

– У меня нет мобилы, – жалобно проблеял я, понимая, что отмазка не сработает. – На работе оставил, забыл телефон, – оправдывался я, с обречённостью ожидая, что сейчас начнут бить.

Противный липкий страх мешал думать, ноги подкашивались, в животе и без того возмущённом непонятной едой, готова была рвануть бомба. Я представил, как буду стоять перед ними совершенно обделавшийся, противно пахнувший, а они начнут ржать и толкать меня из стороны в сторону. В носу стало сыро, потекли сопли, и навернулась слеза от невероятной жалости к себе.

– Мобилы нет, гони бабло! Чувак, за всё в жизни надо платить, ты понял? Давай-давай, не тяни кота в длинный ящик! Чо, помочь надо?

– Нет-нет, деньги у меня есть... немного... осталось тут, – я торопливо выгреб из кармана смятые купюры и мелочь, какие-то монетки попадали на асфальт и разбежались со звоном в стороны.

– Ну, вот, сразу видно, человек с понятиями, – довольно заржали гопники, забирая все деньги из моей потной ладони. – Да ты это, не обделайся, в натуре, братан! Мы же добрые, когда к нам с уважением!

Мелко семеня, униженно пригнув голову, ожидая в любой момент пинка или затрещины, я выбирался из их окружения, пропахшего вонючим табаком, перегаром, нечищеными зубами и наглостью волчьей стаи, против которой никто не решится выступить. А уж такой, как я стопроцентно!

Не разбирая дороги, шмыгая носом и утирая слёзы, я торопливо шагал к дому, с тоской понимая, что оставил у гопников пакет с ужином. Придётся приготовить яичницу с хлебом, потому что даже колбаса в доме закончилась, а я так и не удосужился сделать запасы на будущее.

Будущее? Какое у тебя будущее, Миша?

Должность, к которой я так стремился, давала мне важные преимущества – не ходить каждый день на работу, не отчитываться постоянно перед начальством, если задания исполняются в срок и с высоким качеством, получать хорошие деньги, тратить которые практически некуда. Пока на плите жарился ужин, я критически осматривал в большом бабушкином зеркале нескладную фигуру старшего аналитика крупного холдинга. В двадцать пять лет любой на моём месте может гордиться столь быстрым карьерным ростом, если бы не многочисленные «но».

Почему? Почему, обладая столь великолепным умом, я не могу иметь спортивную подтянутую фигуру, быть красавцем, от одного взгляда на которого любая девушка готова на всё? Кто посмотрит на эту оплывшую фигуру, едва удерживающую собственный вес? Какой секс с этим недоразумением, боящимся даже улыбнуться девушке? Чёрт, сейчас ещё и ужин сгорит!

Надо срочно худеть, – мысленно втолковывал я сам себе, поедая подгоревшую яичницу, – записаться в тренажерный зал, прокачать мышцы, чтобы пресс кубиками. Пора перестать пить литрами Кока-Колу и жрать чипсы упаковками. Стань мужиком, возьми и с сегодняшнего, нет, с завтрашнего дня займись здоровым образом жизни. Пробежки по утрам, зарядка с гантелями, бассейн, тренажёрный зал три раза в неделю.

Представляя, как окружающие девчонки не сводят глаз с молодого атлета, увеличивающего с каждым подходом вес на тренажёрах, я чуть не подавился коркой. Ага, вот только ты это обещал себе уже не раз, но так и не зашёл хотя бы для приличия в спортзал. Сидишь себе днями и ночами за компьютером, решая очередные задачки начальства, да чатишься под разными никами в соцсетях, где ты действительно крут, как Рэмбо, резок в суждениях, скор на расправу. Это всё, на что ты, Миша, способен! И пора уже в этом признаться хотя бы самому себе, если для всех прочих ты ещё как-то пытаешься выглядеть прилично.

Попробуй для начала выложить свою фотку в профилях, а не того красавчика, за которого тебя все принимают. Тогда станет понятно, кто ты есть на самом деле – будут с тобой, прыщавым, разговаривать так же активно, как и прежде, значит, всем важен именно ты сам, иначе можешь сказать спасибо фотке незнакомца. Но ты ведь этого не сделаешь никогда! Не захочешь потерять круг общения, позволяющий тебе чувствовать себя крутым. Без этого, даже при крутой должности и хорошем счёте в банке, ты никто и звать тебя никак! Хотя... деньги многое меняют в жизни, особенно в восприятии тебя девушками!

НИ С ЧЕМ

Утро началось со звонка – меня приглашали на работу, причём весьма срочно. Или работа важная или одно из двух. Я не планировал никаких перемещений на ближайшую неделю. Работы навалили более чем достаточно, вся из разряда срочно, важно и нужно вчера. Холдинг планировал выход на рынок с новыми товарами, а рынок сбыта выглядел крайне агрессивным по отношению к новым игрокам. Нужно нащупать именно нашу нишу, чтобы прорваться к потенциальным клиентам, не ущемляя на первых порах прочих поставщиков.

Основные черты решения уже складывались из разрозненных кирпичиков в более или менее цельную картину, но для серьёзного доклада данных явно маловато. Зачем дёргать меня посреди столь важного процесса? Неужто, нельзя отложить на время, когда я сам явлюсь в заранее оговорённый срок? Звонок не поднимал настроение: нервировал и крайне раздражал. Он заставлял меня вылезти из норки на свет божий, подставляясь под многочисленные опасности реального мира.

Терпеть не могу, когда нужно без веской причины контактировать с миром, людьми, такими непредсказуемыми, изменчивыми, агрессивными, несущими в себе массу проблем для себя и окружающих. Гораздо проще работать с фактами, цифрами, извлечёнными из интернета, анализировать их, находя невидимые другим связи и аналогии. Мне доставляло удовольствие побеждать не силой мышц, а остротой ума и воображения. Здесь я король, победитель, мастер!

А какая-то Марья Ивановна звонит мне и скрипучим голосом буквально приказывает явиться незамедлительно в отдел кадров, чтобы подписать какой-то чёртов приказ. Они там все с ума сошли? Что они, вообще, о себе думают?

С этими мыслями, добравшись до офиса и с трудом удерживая себя от немедленного побега, я вошёл в отдел кадров.

– Здравствуйте, Михаил Григорьевич, хорошо, что зашли, – язвительно приветствовала меня наша кадровичка.

Мы с ней встречались лишь раз или два, но ни одна из встреч не оставила в душе ничего положительного. Вреднейшая особа, совершенно бездушная, говорящая языком приказов и инструкций. Распишитесь здесь, прочитайте тут, принесите справку о состоянии здоровья! Я ведь не кладовщик и не офис-менеджер, вы имеете дело с уникальной личностью, способной в потоке несвязанных данных нащупать закономерность и выдать единственно правильный ответ. Ах, это вас не интересует? Хорошо, зачем вызвали? Расписаться в документах? Не могли подождать? Хорошо! Где нужно подпись поставить? Здесь, здесь и здесь? Пойдите, а что это?

Как уволен? Почему? Без отработки и по взаимному соглашению сторон? Нет, пойте, здесь ошибка! Я ни с кем, ни о чём не договаривался и никаких заявлений не подавал. Ах, только что расписался? Но я же... иначе уволят по статье? Понял. А деньги? Перевели на карту ещё вчера? Спасибо...

Выкинули, как собаку! За что? Ни малейших нареканий, всегда только положительные отзывы по всем моим оценкам. Где я прокололся, что сделал не так? В прошлом месяце был один заказик странный, но никто даже слова не сказал! Почему никто не позвал, не спросил, не поговорил? Ну, да, сам не люблю общаться, но это не повод поступать таким образом. Меня просто поставили перед фактом, как какую-то уборщицу!

Радостный солнечный день на выходе из офиса явно насмехался надо мной. Довольные собой люди весело пробежали мимо, даже не попытавшись спросить, почему на мне лица нет. Словно я надел костюм человека-невидимки, растворился, перестал отражаться в зеркалах. Эй, люди, ау-у-у, я здесь! Почему шёпотом? А как иначе?

– Привет, Мишка, – ударив меня по плечу, наш сисадмин Петька Кораблёв уже тряс мне руку. – Слышал новость? Банк «Святогор» лопнул! Блин, с утра весь офис на ушах, там же наши деньги! Ты как сам?

– Да я, это... вот... в кадры ходил... – сказанное Петькой медленно доходило до сознания.

Как лопнул? А мои деньги? Там во вкладе копились уже не первый год деньги на крутую тачку, были мечты, что она серьёзно поднимет мой статус среди девчонок. И что теперь, как их вытащить из лопнувшего банка? Хорошо, что вчера снял все деньги с карты, собираясь купить крутой велик. Теперь это мой спасательный круг на неопределённый срок.

– Говорят, ты заявление подал, уволиться решил? Так это на твоё место директорскую дочку берут? Ничего себе фифа, фигуристая, но явно мозгов ни на грош. Крутое место нашёл?

– Нет ещё... искать буду... – то есть моё место понадобилось кому-то и его легко освободили, отправив меня пинком под зад на улицу.

– Если чего накопаешь, черкни, а то обрыдло тут пахать за такие деньги. Ну, бывай, побегу смотреть, что там с банком, может как-то вернут нам наши кровные?

Был Петька и пропал, оставив наедине с грустными мыслями о совершенно беспросветном будущем. Есть на белом свете один человечек, который мне всегда рад, по крайней мере без проблем составляет компанию в бар или кино.

– Алло, Ира? Привет! Слушай, давай встретимся сегодня! Как зачем? Ах, ты уже знаешь про «Святогор» и увольнение? И что? И ничего? Что значит всё?

Блин, трубку бросила. А говорила, что любит. Как-то всё некстати. Всего несколько часов назад я был на вершине успеха и вдруг в одночасье всё рухнуло. Что-то не так с кармой? Пересчитал деньги в кармане – на счастливое и безбедное будущее явно маловато, пенсионеры относительно меня сейчас выглядят Крезами и Рокфеллерами. Но главная проблема не в этом – придётся искать работу! Самому! Ведь в этот холдинг меня приняли по протекции – у дедушки там работал друг, который и протолкнул меня в аналитический отдел. Ни дедушки, ни друга давно уже нет. Теперь всё сам!

Да пропади оно всё пропадом! Это что там такое? Бар «Надежда»? Самое то для человека, который решил напиться и забыться!

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ

Как бы прозаично это не прозвучало, но моя жизнь изменилась, когда я понял, что сны, пугающие меня каждую ночь с определённого времени, не фантазия, не кошмар, и не галлюцинация. Люди, приходящие во сне, ничего не требовали, ни о чём не просили, и ни в чём меня не обвиняли. Они просто стояли, у едва заметного светового барьера, и смотрели, стараясь поймать мой взгляд. Поначалу с интересом, потом с недоумением, а через неделю уже с раздражением я смотрел на них и хотел лишь одного – уснуть без снов.

Редко кто задумывается о последствиях того, что делает, если процесс интересен, увлекателен или приятен. Столкнувшись с реальностью, набив шишек, обнаружив несоответствие реального желаемому, люди находят массу виновников произошедшего с ними несчастья, стараясь не замечать, что лишь они сами, в большинстве случаев, источник собственных проблем.

Меня трудно назвать исключением из правила. Желание стать особенной личностью, жажда славы, признания, всенародной любви, если так будет сказано достаточно скромно, сыграли со мной злую шутку. Очень надеюсь, это не повторится, хотя и говорят, дурак – это надолго, если не навсегда.

Всё началось с того, что я решил освоить нечто суперское, надеясь стать круче всех. Это стало навязчивой идеей – мне отчаянно нужно подняться над всеми этими гопниками, постоянно обирающими меня, продавщицами, не скрывающими, что обсчитывают каждый раз, полицейскими, косо поглядывающими на одиноко бредущую нескладную фигуру. Имея дар, умение, способность, я стану им неподвластен, они начнут меня не просто уважать, а тупо бояться, потому что я... Ну, в общем, для начала нужно что-то получить!

Недолго думая, начал читать всё подряд, связанное с экстремальными способностями. Достаточно быстро понял, что в большинстве своём, это пустой трёп и желание получить лайки, потому что авторы никак не хотели переходить к практике, тем более, никто из них не стремился показать собственные способности в той области силы, которой якобы владел. Каждый требовал ему верить на слово и заниматься непрерывными практиками по постижению великой истины, придуманной ими на основе такой же лабуды, «творчески» переписанной у других мошенников.

Пришлось в буквальном смысле «изобретать велосипед», то есть искать собственный путь в непознанное. По вечерам перед сном я обычно вгонял себя в трансовое состояние, прослушивая соответствующую шаманскую музыку, прокачивая дыхание, а затем начинал тщательно «тузиться», пытаясь пробудить в глубине себя те самые тайные силы. Я совершенно искренне верил, что достаточно лишь подобрать ключик к тайнам подсознания, нащупать дверь, ведущую к древним и хорошо забытым знаниям, как тайное станет явным.

Третий глаз, главный аргумент любого экстрасенса, напрочь отказывался сотрудничать. В темноте я видел лишь мрак, нарушаемый вспышками в глазах, характерными для случайных возбуждений глазного нерва. И как тут стать экстрасенсом, когда самое главное не работает? Никак! Или как-то иначе, без третьего глаза, используя данные природой от рождения два глаза и мозги.

Мне хотелось получить способности читать мысли, телепортироваться, двигать предметы силой мысли или левитировать. Я был не прочь научиться видеть призраков, разговаривать с умершими, исцелять или предсказывать будущее. Меня устраивало всё или хоть что-нибудь, хоть самая малая, но способность! Вот только скрытые возможности организма спали крепким, если не летаргическим сном.

Поискам магических секретов отчаянно мешали соседи, живущие простой жизнью, заключающейся в постоянных попойках и пьяных разборках, гремящих музыкой, включённой на всю катушку, как днём, так и ночью. Лёжа без сна тёмной ночью, я представлял, как выши-

баю к чёрту их двери, обрываю провода на усилителе, магнитофоне, телевизоре, а их самих выкидываю с балкона в темноту, чтобы они уже больше никогда-никогда не вернулись обратно. Но время шло, соседи оставались верны традициям, а я терзался несбыточными мечтами.

Много времени потратил на попытки выхода души из тела, столь красочно описанные в широко известной книге Реймонда Моуди «Жизнь после смерти». В состоянии предсна, ожидая волшебных вибраций, я всеми силами заставлял своё астральное тело вырваться из пут реального, и отправиться в самостоятельное путешествие. Из самых эпических подвигов, которые стояли в плане после успешного освоения этой практики, было посещение Луны и получение однозначного ответа на вопрос – были американцы на Луне или нет?

Всё было тщетно, я просыпался уставший от сна, совершенно измотанный и с головной болью. Ничего интересного от этих глупых занятий во мне не обнаруживалось. Я стал раздражительным, грубым в общении, меня постоянно клонило в сон, да ещё и выскочили многочисленные болячки, решив, что я поставил крест на собственном иммунитете. Продолжение самоистязания однозначно привело бы в психбольницу. Но однажды мне начали сниться действительно странные сны.

Как только я решил поставить точку в экспериментах с сознанием и перестать копаться в мозгах, когда в первый раз просто лёг спать без всяких желаний что-то получить от сна, впервые пришли эти видения. В тот день меня уволили с работы, банк, в котором хранились все деньги, лопнул и я первый раз в жизни напился вдрызг в баре, решив послать лесом все проблемы. Затем едва не подрался в баре с каким-то бродягой, непонятным чудом оказался дома и, не раздеваясь, завалился спать.

Усталость и алкоголь придавили меня к постели, тело налилось невероятной тяжестью, я уснул, как убитый. Но вдруг на фоне антрацитового темноты появилось неяркое свечение – поначалу точка, затем светящееся марево. Поначалу я не обратил на это внимания, но затем за свечением увидел людей, целенаправленно идущих ко мне. Они приближались к свету и останавливались, не в силах преодолеть тонкий световой барьер.

Почему-то я совершенно точно знал, что никого из них уже нет в живых. Тем не менее это не были зомби или страшные покойники, выглядели они совершенно обычными людьми, если бы не одно «но» – они безмолвно стояли и смотрели, стараясь поймать мой взгляд. Стоило на кого-то из них посмотреть более пристально, как он тотчас же приближался к барьеру вплотную и протягивал руку, но у меня не было ни малейшего желания здороваться ни с кем из них.

Проснувшись, я лишь посмеялся над увиденным, посчитав это остаточными явлениями издевательства над собственным организмом или следствием выпитого накануне. К тому же я отлично выспался, а это железно доказывало, что сон был вполне обычным. Но на следующую ночь я был абсолютно трезв, а сон повторился в точности. Правда, на этот раз никто не шёл к барьеру – они все уже ждали меня там. И их явно стало больше.

Даже просто посоветоваться о произошедшем во сне было не с кем – родителей я потерял ещё в раннем детстве, воспитывавшие меня дед с бабкой померли, оставив в наследство эту квартиру. На работе дружеских связей так и не завёл, тем более что работа аналитика позволяла сидеть дома, периодически отчитываясь о результатах. Никто не лез в мою жизнь и мне это нравилось. Минусом было то, что в трудную минуту никто не придёт на помощь или просто не выслушает, чтобы хотя бы посочувствовать. А сейчас и вовсе не с кем поговорить, даже Ирка, которую я считал своей девушкой, послала меня подальше.

Оставалось использовать на полную катушку то, чему меня учили и в чём я всегда был силен – аналитика! Просто нужно понять, что со мной происходит, эффект повторяется, его можно исследовать, постепенно накапливая полезные данные, которые помогут сделать правильные выводы, если... если раньше я не сойду с ума.

НЕ БЫЛО СЧАСТЬЯ, ТАК НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

Попытка понять причину появления навязчивых снов закончилась провалом. Пришлось признать очевидное – я не знаю, почему мне снятся именно такие сны. В моём арсенале развлечений нет ни фильмов, ни игр, ни книг про покойников и зомби, я не увлекаюсь всякой ерундой вроде поисков призраков, среди моих родственников, предположительно, нет колдунов или ведьм. Неужели я окончательно доконал себя попытками докопаться до незнаемого?

– Семьсот рублей, – прервала мои рассуждения продавщица. – Карта или наличные?

– А почему семьсот, – вяло запротестовал я, помня, что по ценникам выходило на сто рублей меньше.

Деньги таяли быстрее, чем я рассчитывал, мелкие подработки приносили столь же малый доход, а работать приходилось много, тупо рисуя сайты за копейки. Каждый рубль на счету!

– А там цены неправильно выставлены, – нагло улыбаясь, сообщила продавщица. – Платить будем или я охрану зову? Покупают, сами не знают что, а потом права качают!

Конечно, я заплатил, куда деваться? Там охранник, он не будет долго разбираться, чёрт с ними, – пыхтел я под нос, заставляя унять внутреннее раздражение.

И так всегда! Меня постоянно обсчитывают! На лбу написано, что ли – его можно обсчитывать! И ведь не в одном магазине, везде, в каждом, куда не придёшь, обязательно обсчитают и смотрят вот также нагло и с усмешкой – а что ты нам сделаешь? А вот сделаю! Вот получу суперскую способность, тогда пожалеете, будете в ногах валяться, прощения просить, а я ни за что не прощу! Проблема лишь в том, что никаких способностей нет даже в проекте.

Сны, точнее, их безмолвные жители, продолжали мучить меня каждую ночь. Хуже того, стоило случайно задремать за работой, как они тотчас выстраивались рядами, пробуждая во мне муки совести, словно я один мог что-то сделать для них, но по какой-то прихоти не могу, или не хочу этого. Люди менялись, кто-то настойчиво прорывался в первые ряды, некоторые бесследно исчезали, но их не становилось меньше. Создавалось ощущение, что где-то висит реклама нового шоу «Поговори с Михаилом!», привлекающая всё больше зрителей или участников. Одна проблема – главный участник не собирается выступать, но это уже проблемы организаторов.

Навязчивые сновидения с повторяющимся в деталях сюжетом вгоняли меня в панический ужас. Пора было подумать о визите к психиатру, но тогда прощай водительские права – кто допустит до вождения откровенного психа? А я как раз собирался на медицинскую комиссию. В двадцать пять лет кажется, что справка намного важнее каких-то проблем в голове, да и чего можно ждать от человека, не имеющего за спиной жизненного опыта, живущего будущим, а не нынешним днём.

Мне бы призадуматься в тот момент, а не то ли это самое, чего ты так отчаянно добивался, парень? Но нет, я самонадеянно решил, что усталость довела меня до ручки, а измотанный мозг мстит хозяину неприятными снами. Нужно лишь немного отдохнуть и всё наладится, – убеждал я сам себя, глотая снотворное на ночь. Ещё немного и я бы точно пошёл к психиатру, но уже с проблемой, а не за справкой на водительские права.

Всё изменилось, когда во сне я стал свидетелем страшного дорожно-транспортного происшествия. На пешеходном переходе пьяный водитель сбил маленькую девочку. Насмерть. Она выбежала на дорогу, когда зелёный свет горел уверенно ровно, разрешая людям безопасно пересечь кусочек асфальта, отданный во власть диких моторов. Водитель нарушил все мыслимые и немыслимые правила, ему было наплевать, он даже и не понял, что совершил, так как ещё несколько десятков метров тащил за собой уже мёртвую девочку, зацепившуюся ранцем за выступ днища.

Яркое полуденное солнце весело играло в кроваво-красной полосе на асфальте. Летний ветерок бодро гонял обрывки детского платья. Молоденькие липы, высаженные вдоль дороги, всё так же беззаботно шелестели зелёными листочками. Мир вокруг совершенно не изменился, кроме того, что одним человеком, маленьким человечком стало меньше на этом свете.

Мать сразу потеряла сознание и потом, очнувшись, едва не сошла с ума от горя. Её кровиночка, её девочка в одно мгновение перестала жить. Потом в газетах, в интернете много писали про тот случай, были фото из зала суда, где огласили приговор водителю-убийце – пять лет лишения свободы в колонии общего режима. Кто-то помог ему получить справку, что случившееся стало результатом микроинсульта. Суд присоединил справку к делу, тем не менее срок дали. А девочку похоронили.

Сон показал мне то, что однажды я увидел наяву, став невольным свидетелем этой драмы. Перед самым столкновением девочка пыталась спасти плюшевого медведя, с которым, по всей видимости, не расставалась никогда. Она высоко подкинула его в воздух, и он прилетел мне прямо в руки. Никто его не забрал, а просто выбросить показалось дико.

Я сразу узнал её, как только она появилась в этой немой очереди. В том же платьишке, с тем же ранцем и медведем: плюшевым, с оторванным ухом, светло-бежевым. Тем самым, которого она в момент удара пыталась спасти.

– Привет, как тебя зовут, девочка? – спросил я, глядя ей прямо в глаза.

Почему я так сделал? Ведь никогда до этого у меня не возникало желания как-то обратиться к людям из сновидений, а тут сразу знакомиться кинулся. Скорее всего, сработало воспоминание о той страшной аварии в связке со знакомыми образами – размяк, расслабился, решил сломать стереотип молчания.

Она радостно улыбнулась, широко распахнув голубые глаза, потом молча протянула мне руку, словно предлагая поздороваться. Моя рука беспрепятственно преодолела голубую преграду, я осторожно взял её маленькую хрупкую ладошку в свою ладонь, и в тот же момент услышал голос девочки.

– Я хочу поговорить с мамой! – тихо попросила она. – Она переживает, и я не могу покинуть этот мир. Здесь неуютно, холодно, одиноко. Помоги поговорить с мамой, пожалуйста, – в её голосе не было боли, страдания или злости. Она просила сделать ей одолжение, словно речь шла о месте в трамвае.

– Как мне её найти? – глупый вопрос, но ничего лучше в голову не пришло.

Можно ведь заглянуть в интернет, там наверняка масса информации о том происшествии. Там же есть фамилия её мамы, потом можно...

– Улица Ленина, дом пятнадцать, квартира двадцать шесть, – так действительно проще, она ведь не совсем маленькая, знает, где живёт... точнее, жила... ну, не важно. – Завьялова Светлана Васильевна – это моя мама. Скажи, что мне нужно с ней поговорить. Это важно.

С ума сойти. Ничего себе сны пошли. И как мне к этому отнестись? Шизоидный синдром? Сильное переживание, долгое сидение в интернете и бац, сработали защитные механизмы – организм намекает, что таким путём я скоро попаду в психушку. Даже, если это правда, как я смогу пригласить её маму в свой сон? Это же бред!

– Тебе нужно просто взять меня и её за руку. У тебя есть способность. Ты можешь это делать. Чтобы с кем-то из нас поговорить, просто посмотри ему в глаза и протяни руку!

Она что, мысли мои читает что ли? Я же ничего не говорил вслух!

– Я слышу всё, что ты говоришь и думаешь, – улыбнувшись, ответила она. – Если захочешь, сможешь делать то же самое. Но ты ещё не готов к этому. Не бойся, мне некому об этом рассказать, – рассмеялась девочка.

Она говорила настолько по-взрослому, что я моментально поверил в сказанное. Хотя меня несколько смущало, что она, будучи практически покойницей, вот так спокойно рассуждает, мило улыбается и даже смеётся, словно с ней ничего не случилось вовсе. Как будто она

обычная живая девочка, а не плод моих сновидений. Кстати, а как же сон? Я ведь не могу спать и делать то, что нужно, общаться с живыми... чёрт, как-то странно звучит, да, с живыми и мёртвыми людьми. Если я заснул, то могу общаться только с этими, а проснувшись, только с теми. Замкнутый круг!

– Тебе нужно просто закрыть глаза и немного расслабиться, словно засыпаешь, – в её голосе чувствовалась едва заметная ирония, будто эти знания должны были быть мне знакомы с детства, но по лености, беспечности или невнимательности я не подготовился к важному уроку. Двоечник, в общем.

– Ты думаешь, она мне поверит? Представь, она открывает дверь и совершенно незнакомый человек нагло заявляет, что он может помочь ей поговорить со своей погибшей дочерью. Первое, что она сделает, спустит меня с лестницы, а потом вызовет полицию.

Я чувствовал некоторую неловкость, называя девочку погибшей, но факт оставался фактом и чудес на свете не бывает. То, что я могу с ней разговаривать, не делает её более живой. Это понятно любому человеку, любому нормальному человеку. Или её мама из числа таких же ненормальных? Или она от горя с ума сошла, чтобы поверить мне на слово?

– Ты скажешь ей, что в тот день мы шли записываться в балетную студию, но забыли балетки дома. Она тогда очень расстроилась, но не было времени возвращаться, нас ждали на собеседование. Об этом никто не знает, кроме меня и мамы. Она тебе поверит.

Проснувшись, я всеми возможными способами оттягивал время принятия решения. Это всего лишь сон, – говорил я себе. – Если из-за каждого сна бегать по городу, выпучив глаза, не хватит времени на работу. Ну, сильный сон, не забывающийся, и что с того? Что указывает на реальность в нём происходящего? Ничто, кроме того самого плюшевого мишки.

Не сумев убедить себя в нереальности сна, приняв, решим идти в любом случае, я, тем не менее тянул время, надеясь, что проблема решится сама собой. То находилось «очень срочное дело», вдруг нужно было позвонить для разрешения «очень важного вопроса», то ещё что-то из разряда дел, не делавшихся месяцами и вдруг ставшими жутко неотложными. Когда закончился последний аргумент «она может быть на работе», часы показывали семь часов вечера. Можно было сказать себе «уже слишком поздно для визита к одинокой женщине», но, вздохнув, я решил, что это проявление трусости, слабости и, вообще, не по-мужски.

– И с чего ты решил, что она одинокая? – бормотал я, опасаясь увидеть в открытых дверях здорового брутального мужика. – Не она, так мужик её спустит тебя с лестницы, да ещё и фингал под глаз поставит, – мне казалось, что под глазом уже отчаянно болит, но я продолжил путь, чувствуя себя, если не героем, то хотя бы Христом, тащившим собственный крест на Голгофу.

До самого последнего момента мне казалось, что я совершаю глупость, следуя указаниям, полученным во сне. Тем не менее, с каким-то ослиным упрямством я подошёл к тому самому дому, поднялся на нужный этаж и завис, не решаясь нажать на кнопку звонка. Вот сейчас откроется дверь и выяснится, что здесь живёт совершенно другая семья. Или даже, если там живёт именно мама той девочки, она ни за что мне не поверит, потому что нормальные люди не верят в идиотские глупости. Если она ударит меня, думая, что я таким образом пытаюсь взять интервью для какой-нибудь газетенки, я её пойму.

– 3-3-здравствуйте, – не сразу смог произнести я элементарное приветствие, – это квартира двадцать шесть?

Девушка, открывшая дверь, смотрела на меня, как на явного идиота. Это понятно – человек спрашивает номер квартиры, хотя он отчётливо виден на двери.

– Тут живёт Завьялова Светлана Васильевна? – поспешил уточнить я, пока у меня перед носом не захлопнули дверь.

– И что? Вам что нужно? Опять лабуду про истинного бога начнёте нести? – в её голосе не слышалось ни капли приветливости. – Быстро сказал, чего хотел и свалил!

В чём-то я её понимаю, эти свидетели Иеговы¹, кого хочешь достанут своими рассказами, в кого нужно верить, а в кого нет. И ведь вцепляются, как клещ в собаку, не отцепишься, не сбросишь. Ходят по двое, пока один отдыхает, второй песню заводит. В квартиру впусти, напои, да накорми, истинному богу пожертвуй денег, а то и квартиру отпиши.

– С-с-светлана В-в-васильевна, я по другому д-д-делу, – странно, но раньше я как-то не заикался. – У меня послание от вашей дочери, – выпалил я решительно и зажмурился, ожидая немедленного удара по лицу.

– Чего? Ты пьяный, что ли? Или обкурился, гад? Моя дочь, моя Машка год, как погибла, а ты, мразь... – она задохнулась от возмущения, готовая захлопнуть дверь.

– Вы тогда забыли балетки, но не стали возвращаться, чтобы не опоздать на собеседование, – в отчаянии выкрикнул я.

Почему-то мне стало отчаянно важно донести слова этой девочки до её мамы, хотя я до конца и не верил в историю, произошедшую во сне, но что-то внутри сопротивлялось и заставляло идти до конца – ты должен, Миша, сделай это, не отступай, не сдавайся!

Сбиваясь, начиная сначала, я наскоро пересказал Светлане Васильевне сон, особенно упирая на то, что девочка назвала этот адрес, её имя и отчество, а также рассказала про то, о чём никто другой в принципе не мог знать.

Она поверила. Не сразу, но поверила и даже согласилась на маленький эксперимент. Она смотрела на меня как на бога, спустившегося с небес на землю, услышавшего её молитвы и просьбы. В её взгляде было столько надежды на чудо, что я испугался – это страшно, когда, пообещав, не можешь выполнить желаемого. Кого интересуют причины твоей немочи? Обещал, обнадёжил – делай! А вдруг не получится? Да, скорее всего, не получится, ведь я никогда такого не делал, повёлся на слова девочки из сна, дурачок. Но отступить некуда!

В обычной двухкомнатной квартире стояла полная тишина, я бы сказал мёртвая, но с некоторых пор это слово перестало мне нравиться. Свет из прихожей слегка освещал зал и стол в углу с детскими рисунками, учебниками, тетрадками. Ничего не поменялось здесь с того времени, как девочка погибла. Даже маленькие розовые тапочки остались в прихожей, словно ждали возвращения хозяйки. Я попросил хозяйку квартиры задёрнуть шторы, мы присели на диван и я начал пробовать соединить души девочки и её мамы.

Поначалу ничего не получалось. Девушка хлюпала носом, постоянно дёргала меня за руку, словно подталкивая – скорей, скорей же! В конце концов я попросил её в достаточно грубой форме перестать сопливить, заткнуться и отпустить мою руку, чтобы не мешать сеансу. Даже после этого ничего хорошего не получилось. Я сам чертовски нервничал, поэтому никак не мог расслабиться, меня бил мандраж, и всё больше накрывало чувство безысходности: я обманщик, это был всего лишь сон, глупый сон, долгий, нудный, тяжёлый сон...

Щёлк! В какой-то момент мантра про сон действительно вызвала состояние близкое к лёгкой дреме. Этого оказалось достаточно, чтобы вновь увидеть девочку, уже тянущую мне руку. Я чуть не заорал от радости, но вовремя сдержался. Стараясь не выйти из состояния полудремы, протянул руку девочке и, когда она коснулась меня, схватил ладонь её матери.

Чё-ё-ё-рт, ничего себе фокусы! Через меня словно ток пропустили в тысячи вольт. Мне показалось, что сейчас я схохну, но ощущение, слава богу, было кратковременным. Они заговорили.

Девочка разговаривала с мамой так, словно она всё это время была живой и никуда не уходила. Она уговаривала маму перестать переживать из-за неё, потому что иначе ей придётся до конца маминых дней оставаться в этом мире. Маша рассказывала маме, что там далеко есть сказочный мир, где жить очень хорошо и куда ей давно пора отправляться. А мама гово-

¹ Деятельность организации запрещена на территории РФ

рила и говорила, как она любит свою доченьку, как она переживает из-за её смерти, что готова лишиться себя жизни, потому что она потеряла для неё вкус и смысл.

Они разговаривали долго. Я и не заметил, как по-настоящему уснул, потеряв нить разговора. А когда проснулся, обнаружил себя спящим на диване в чужой квартире. Кто-то заботливо снял с меня ботинки, уложил поудобнее и накрыл пледом. На кухне горел свет, звенела посуда. За окном занимался рассвет. В голове звенела пустота, и полностью отсутствовало понимание, где я и как тут оказался. Хотя... что-то начало вспоминаться.

– Завтракать будешь, Миша? – спросила Светлана Васильевна, заметив, что я приподнялся на диване.

Мы уже на ты? Откуда она знает как меня зовут, я ведь так и не представился вчера?

– У тебя из штанов паспорт выпал, – пояснила она, словно прочитав мои мысли, – из интереса полистала, ты уж извини.

Из штанов? Господи, да я же лежу под одеялом практически голый! У нас был секс? Почему я ничего не помню? Но, если мы перешли на ты...

– Миша, ты вчера уснул так крепко, что я не смогла тебя разбудить. Ну, не водой же поливать! Уложила баиньки, не хотела, чтобы вещи помялись, пришлось тебя немного раздеть, – с некоторым ехидством в голосе сообщила хозяйка квартиры. – На твою честь не покушалась, можешь быть совершенно спокоен, – она фыркнула, словно вспомнив нечто смешное.

Блин, я как-то не так представлял себя в обществе красивой девушки, да ещё без штанов. Нужно было месяц назад начинать качать железо!

– Ты завтракать будешь или нет, – теряя терпение, спросила Светлана Васильевна.

Светлана Васильевна? Света! Немного старше меня, мы практически ровесники. Она стояла в проёме двери, ярко освещённая, видимая чётко, как на картине. Стройная, по-спортивному подтянутая фигурка, привлекающие взгляд женственные округлости, вызывающие в душе и ниже неясное томление и возбуждение. Тёмные круги под глазами от бессонной ночи совершенно не портили её красоты. Она смотрела на меня с такой лаской и любовью, что я почувствовал себя маленьким мальчиком, которого мама будит в школу.

– Буду... Света!

Что-то невероятно горячее моментально растопило в душе внутреннюю ледяную дамбу, которой я так тщательно отгораживался от мира, защищая маленький плацдарм своего личного пространства. В сердце появились странные, пока ещё малопонятные мне чувства – нежность, желание любить и быть любимым. Мне хотелось взлететь высоко в небо и принести в этот дом кусочек солнца, чтобы оно сияло, разгоняя тени в углах. Я чувствовал себя Атлантом, способным удержать хрустальный свод над головой Светланы, защищающий её от всех бед на земле!

Я рванул из постели, стараясь сделать это красиво, но запутался в одеяле и свалился мешком на пол. Светлана со смехом отвернулась, рукой указав на стул в изголовье, где были аккуратно повешены рубашка и штаны, а также носки. Сопя под нос, расстраиваясь без меры от собственной неловкости в столь ответственный момент, оделся и, слегка приземлив высокие чувства, поплёлся на кухню, чувствуя некую неловкость оттого, что красивая, но малознакомая, чужая, по сути, девушка раздевала меня почти догола.

Завтрак развеял все сомнения, я чувствовал себя значительно лучше и комфортнее. Впервые в чужом доме в обществе малознакомой девушки я чувствовал себя легко и уютно. Мне совершенно не хотелось покидать этот островок счастья. Вот только быстрые, цепкие, оценивающие взгляды Светланы несколько тревожили моё самолюбие. Вспоминая себя в зеркале, я не мог отделаться от ощущения, что она хочет сказать мне что-то, но не решается. А в её доброжелательном «Давай, положу ещё кусочек!» подтекстом звучит «Тебе нужно похудеть, Миша!»

КООПЕРАТИВ «НАДЕЖДА» ИЛИ ДУРАК УЧИТСЯ ТОЛЬКО НА СВОИХ ОШИБКАХ

Мы проговорили со Светланой целый день, её интересовало всё: кто я по жизни, как докатился до жизни такой, мои мысли по поводу того или этого, что умею делать, какие планы на жизнь. Ещё никто не слушал меня с таким искренне заинтересованным выражением лица, выпрашивая подробности о различных случаях, со мной произошедших. Складывалось впечатление, что она Колумб, открывший Америку и кинувшийся с энтузиазмом её обследовать вдоль и поперёк.

Казалось, девушка обрела новую жизнь, поговорив с дочкой, погибшей более года тому назад. Светлане снова хотелось жить, но, главное, ей хотелось сделать что-нибудь для меня, а я от этого дико смущался, не зная, куда девать руки и спрятать глаза. Вообще не особо люблю разговаривать с людьми, а похвалы в свой адрес выслушиваю с чувством огромной неловкости.

Тем более от молодой, красивой девушки, сидящей ко мне вплотную на диване. Она не была замужем, воспитывала дочку одна, сейчас всей душой и телом тянется ко мне, а у меня всё в душе переворачивается. Я моментально влюбился, пьянея от её голоса, частенько не понимая сказанного, желания и фантазии напрочь блокировали сознание.

Скорее всего, женщины обладают особым даром чувствовать подобное состояние мужчины. Светлана неожиданно прекратила говорить, пристально посмотрела мне в глаза, а потом поцеловала в губы. Я едва не потерял сознание – такого в моей жизни ещё не было. И того, что случилось дальше тоже.

Произошедшее ночью открыло для меня дверь в новую, незнакомую до этой поры таинственную часть жизни. Светлане доставляло удовольствие быть моим проводником в этом романтическом путешествии. Взяв на себя инициативу, она доказала, что я не просто умный мальчик с креативным мышлением, но и мужик, имеющий всё необходимое для сексуальных игр. Для меня всё было внове, интересно, маняще, я готов был заниматься этим всю ночь и Светлана не возражала.

Ощущение безграничного восторга, счастья, нежности переполняло меня, когда, проснувшись утром, я любовался обнажённой Светланой, скинувшей во сне с себя одеяло. Мишка, кричал я сам себе, ты герой! Кто бы мог подумать, что ты, Мишка, окажешься в одной постели с такой красоткой? Никто! И ты сам в первую очередь! Я склонился к Светлане и нежно, боясь разбудить, поцеловал в губы.

– Ты кто? – в её широко распахнутых глазах плескался неподдельный ужас.

Она схватила одеяло и быстро укрылась, явно не понимая, с кем оказалась в одной постели и почему мы голые.

– Я Миша!

Она, что забыла, с кем провела ночь? Или в темноте я не выглядел столь ужасно? Раскатал губу, размечтался, что вот оно счастье – тебя кто-то полюбил! А она даже не помнит меня?

– Ах, Миша, – она смахнула прядку со лба, посмотрела на меня более осмысленно и спокойно. – И что? Я что-то ещё должна? Мне кажется, мы в расчёте!

В расчёте? Так она расплатилась со мной за то, что я подарил ей встречу с дочкой? Денег нет, так возьмите, чем богаты? Прочь, бежать! Путаясь в одеяле, ненавидя себя за неповоротливость, оделся и рванул в прихожую, едва не врезавшись в дверной косяк. Неудачник, лох, разносчик пиццы!

Не знаю, в чём провинился разносчик пиццы, но я представил, как он спешит выполнить заказ, его ждут с нетерпением, расплачиваются с ним, предвкушая удовольствие, а он снова

уходит в темноту и слякоть, никому не нужный, всеми тотчас же забытый. Чего изволите? Получите и распишитесь!

– Миша, ты чего, влюбился что ли? – голос Светланы ударил мне в спину, пронзив не сердце, нет, а всё тот же желудок.

Знакомое ощущение неуверенности в собственном организме, слабость в коленках и страх, что вот-вот начнётся что-то ещё более ужасное. Что я должен ответить на этот вопрос?

– Да, влюбился!

В моём голосе бурлило столько обиды и отчаяния, что Светлана попрочнее запахнулась в одеяло. Она стояла на пороге спальни и смотрела на меня недоверчиво, как на брачного афериста, вознамерившегося через постель отобрать у неё имущество и деньги.

– Иди сюда, дурачок! – приказала она ласково, но властно. – Извини, малыш, не поверила! Думала, ты, как все мужики – оказал услугу и захотел немедленной оплаты, – призналась она. – Мне несложно, тем более что живу одна, когда ещё с мужиком повезёт. А ты влюбился, чудо моё! Дай я тебя поцелую!

Мы снова оказались в постели, но лишь лежали рядом, крепко обнявшись – взрослый ребёнок и его первая любовь. Какое-то непонятное чувство раскрывалось, скидывая прочные покровы, наполняя жизнь новым смыслом, новыми ожиданиями. В книгах любовь описывают по-разному, но только сейчас я понял, что это такое и насколько полно она может занимать всего тебя.

В этот момент мне было совершенно безразлично, как я выгляжу, могу ли пробежать стометровку за семь секунд или поднять стокилограммовую штангу. Меня любит самая прекрасная девушка на свете, я люблю самую красивую девушку на всей Земле! Но в тренажёрный зал нужно будет записаться обязательно! Завтра... Если будут деньги...

* * *

Моя жизнь наполнилась новым смыслом, а у Светланы появилась масса новых грандиозных идей. Вдохновившись собственным примером, она предложила помочь и другим людям, оказавшимся в таких же сложных ситуациях.

– Ты представляешь, сколько людей хотело бы хоть немного поговорить с теми, кто неожиданно ушёл из их жизни? Они не успели сказать им самое важное, им нужно сказать, что они их любят, убедиться, что уходящие не держат на них обид. И это очень важно, а ты это можешь для них сделать!

– Сотни, тысячи, миллионы людей хотят этого! Ты моей смерти хочешь? – уже орал я, наслушавшись проповедей о необходимости нести счастье людям, жертвуя собой.

Тысячи лет люди просто умирают и с ними прощаются обычным образом – отпевают в церкви, поминают, посещают могилки. И всё было нормально, спокойно, привычно. Как только они узнают о такой возможности, начнётся сумасшедший дом! Очереди, давка, гвалт недовольных, горы мусора, мордобой и всё это ради того, чтобы минуточку поговорить с умершими людьми?

– Постой, Миша, можно всё организовать, – Светка умоляюще смотрела мне в глаза, молитвенно сложив руки, – вспомни, в очереди к Ванге ничего такого не было! Привлечём власти, в конце концов, это же доброе дело! Нужно помогать людям, Мишенька, как ты не поймёшь, миленький?

– Мне лично это зачем? Я что Махатма Ганди или мать Мария? Люди живут спокойно, никто не знает, что такое возможно, кроме меня и тебя, а ты хочешь рассказать об этом всем?

Люди, мужчины, женщины, толпы людей, с которыми нужно разговаривать, общаться, выслушивать их и что-то отвечать. Это не для меня! Нет, нет и нет, это не моё! Один раз не считается! Я не подписывался творить счастье для миллионов людей, меня попросила одна

девочка, и я ей помог – на этом всё! Не желаю больше разговоров с покойниками, я терпеть не могу покойников!

В сознании рождались картинки одна ужаснее другой, где я сижу в позе йога, а длинная очередь, скрывающаяся за горизонтом, шагает и шагает мимо. Люди прикасаются ко мне на некоторое время, моё тело вздрагивает от удара током, затем следующий, следующий и так до бесконечности. Параллельно с ними мимо едут катафалки с открытыми гробами, лежащие в них приветствуют меня и радостно улыбаются.

Картинка дорисовалась проводами, отходящими от меня, разбегающимися по столбам в разные стороны. Чтобы ток не пропадал попусту, кем-то было решено направить его в единую энергосеть. И вот уже гудят заводы и фабрики, в дома граждан приходит бесплатное электричество, создаваемое святым Михаилом, блин!

– Я не святой и не апостол, чтобы творить чудеса! Мне, вообще-то, нужно работать, деньги зарабатывать, чтобы жить, есть и пить. И никому не обязан ничего делать. Не хочу, не буду, отстань от меня, выкинь из головы эти бредовые идеи!

Она приводила в пример людей, пожертвовавших собой совершенно бескорыстно ради помощи людям. Откуда в её голове скопилось столько ненужных фактов, сказать сложно, но я стоял насмерть, как панфиловец перед немецкими танками. Нет, вообще, мне хотелось быть героем. А кому не хочется в двадцать пять лет совершить что-то героическое? Но таким героем я быть не хотел. Вот категорически не хотел и баста!

– Ну, и дурак! – она даже обиделась, но ненадолго. – Хорошо, ты не святой, тебе нужно зарабатывать на жизнь, так зарабатывай! Просто назначь плату за сеанс, час, минуту и зарабатывай! Представляешь, сколько сможешь заработать на этом? Да, деньги – это зло, но люди готовы отдать последнее, чтобы хоть немного поговорить с теми, кого внезапно потеряли, по кому отчаянно скучают. Пойми, балда, в этом нет ничего противоестественного! У тебя есть дар, твой дар важен людям, они готовы платить – что в этом плохого? В конце концов, если тебя как-то смущает, что мы берём за это деньги, можно часть денег жертвовать детским домам, больницам, школам.

Она меня убедила. Светка кого хочешь убедит. Через месяц, в течение которого я тренировался входить в нужное состояние при различных условиях, то есть фактически бездельничал, Светка арендовала офис в центре города, оформила документы на создание кооператива «Надежда» с видом деятельности «предоставление консультационных услуг неограниченного профиля».

Затем, как это делает каждый, уважающий себя продавец услуг, разместила объявление в местных газетах. Объявление было простым и понятным, хотя и звучало довольно глупо: «Гарантирую разговор с вашими родственниками, покинувшими этот мир. Дорого!». Далее телефон и адрес офиса. Ничего лучше нам в голову не пришло, но именно простота оказалась верным решением.

На последнем слове настоял я, хотя Светлана предлагала вариант «за умеренную плату».

– Ты представляешь, сколько народа ринется в наш офис, если это будет стоить недорого? Смерти моей хочешь? – раздражённо орал я, черкая очередной вариант объявления. – Пусть у нас будет один клиент в день, но это будет дорого и окупит все затраты!

Один клиент в день меня категорически устраивал, учитывая врождённое нежелание общаться с кем бы то ни было даже ради денег. Оптимально было бы вообще не встречаться с клиентами, предоставляя услугу по интернету, но я слабо представлял, как такое можно сделать в реальности.

– А как же те, у кого горе, но нет денег на твоё «дорого»? – язвительно осведомилась она, словно я уже прилюдно дал обет помочь всем страждущим. – Или только богатеньким будешь помогать? Не слишком ли ты озабочен самим собой и своим благополучием? Тебе дан дар свыше, а ты коробчишь, как мелкий лавочник, тьфу на тебя, – обиделась Светка.

И всё-таки, я отстоял это «дорого», пообещав в порядке благотворительности принимать совершенно бесплатно тех, кто не был способен заплатить требуемую сумму. На некоторое время Светка отступила, и мы перешли в режим ожидания, глядя на молчащий телефон поначалу вопросительно, потом укоризненно, а затем с чувством глубокой ненависти – мы оказываем миру сказочную услугу, а это, похоже, никого вообще не волнует – похоронили и забыли!

К концу дня мы готовы были плюнуть на затею и вернуться к своим прежним занятиям – я к скучной работе аналитика в самой захудалой конторе, а Светка в школу, к своим непосадам. Было невероятно жаль напрасно потраченного времени, нервов, убитых при увольнении с работы, наших глупых надежд на великое служение людям. Мы должны были стать новыми мессиями, несущими свет всем, кто в нём нуждается, а стали попрошайками, сидящими у входа в храм в ожидании жалкого подаяния.

– А я тебе сразу сказал, что это всё глупости, – ворчал я, подводя дебет с кредитом.

– Всякое новое дело требует времени и терпения, – Светка поджимала обиженно губки и отворачивалась, делая вид, что её чрезвычайно интересно, как именно дорожные рабочие в очередной раз ломают асфальт во дворе нашего офиса.

Прошедший месяц серьёзно облегчил наши карманы. За всё пришлось платить. Наши, точнее, Светкины финансы ощутимо пели романсы, подобно мартовским котам – противно и заунывно, словно намекая, что благие намерения ведут сами знаете куда. Заснули мы в состоянии тоски и безнадёги, хотя прошёл всего один день с момента выхода нашего объявления.

На следующий день прозвучал один звонок. Через неделю телефон не переставал звонить ни днём, ни ночью. Через месяц, не по своей воле, мы исчезли из города и начали усиленно прятаться от людей.

Если голубой мечтой в начале нашей предпринимательской деятельности было построить мир всеобщего счастья, то в конце мы скатились к полному отрицанию понятия «человек разумный» в применении к большинству окружающих нас людей. Да, они были бесконфликтными, работающими, компанейскими, но всё это не выходило за пределы их квартиры, дачи, гаража, кабинета. Мы считали, что добро может изменить мир, но мир упорно отказывался изменяться, поглощая все наши благие намерения без остатка и видимых следов. Бежать как можно дальше и спрятаться от всех!

Проще сказать, чем сделать. Выражение «забивать гвозди микроскопом» я познал на себе, став инструментом в руках тех, кому важнее всего в этом мире деньги и власть. Если ты или твой дар помогут им получить побольше того и другого, они используют тебя на полную катушку, выжмут досуха, как половую тряпку, и выбросят на обочину жизни, нимало не заботясь о тех высоких материях, с которыми ты связывал свой дар.

Когда ты решишь уйти от них, откажешься исполнять их прихоти, они используют против тебя и близких тебе людей все мерзости, на которые способны циничные, бездушные люди. Бороться с ними можно лишь с помощью подобных им, но для этого нужно стать таким же, как они.

Корабль спущен на воду, все замерли – поплывёт или сразу пойдёт камнем ко дну? Как поплывёт – величественно и мощно или кое-как, рывками, опасаясь большой воды? Устоит ли в шторм, справится ли капитан со своими задачами? Первое плавание – испытание всего и всех на прочность. Поддерживая друг друга словами о том, что нам всё по плечу, мы сильные, наша миссия важна для людей, мы отчаянно трусили, мало представляя, как именно всё будет происходить в реальности.

Первого клиента мы ждали с особым нетерпением и страхом. Одно дело дружеские отношения, совершенно другое – деньги. Если ты берёшь плату, будь любезен предоставлять товар только высшего качества. По крайней мере, мы так по наивности считали. Как оно выйдет

в реальности, можно проверить только на практике и единственный случай здесь уверенности не придаёт.

На деле всё оказалось проще и прозаичнее. Соединение проходило без проблем, достаточно было представить нужный образ, как из толпы заупокойных душ выныривал нужный кандидат. Где бы он ни был, в нужный момент его притягивало ко мне с невероятной силой, заставляло пробиваться сквозь толпу ожидающих своей очереди. Поначалу это было интересно, потом забавно, затем приелось – нужного собеседника достаточно было просто «позвать».

Единственно, к чему я не мог привыкнуть – это к разряду энергии, проходящий через тело. Да и как человек может привыкнуть к электрическому стулу? Страшно, неприятно, но деньги! Деньги текли вдохновляющим ручейком – кооператив «Надежда» уверенно двигался к своему айсбергу, как «Титаник», пассажиры которого до самого последнего момента были уверены, что их жизнь сказка и будет длиться долго.

Мы работали на износ, но результаты впечатляли, можно было уже подумать о расширении бизнеса, найме сотрудников, да и покупках для себя любимых. К тому же мы со Светланой собрались пожениться, как только выкроим время выбраться в ЗАГС. Но пока что очередь к «говорящему с мёртвыми» была расписана на месяц вперёд и никак не желала уменьшаться.

ТЫ ИДИЙЁТ, МОЙША!

Когда в мой кабинет вплыла дородная дама преклонных лет, я приготовился выслушать уже набившую оскомины историю о нежно любимом и скоропостижно скончавшемся муже.

– Скажите, молодой человек, вы, таки, действительно можете дать мне поговорить с моим мужем, хотя он помер четырнадцать лет тому назад? – одновременно деловито и недоверчиво поинтересовалась посетительница.

– Давность смерти значения не имеет, – успокоил я её, – но... – театральная пауза должна была заставить посетителя уважать мастера, – многое зависит от вашего мужа. Если он не захочет с вами говорить...

– Кто не захочет? Мойша? А кто его будет спрашивать? Где тут трубка, по которой мы будем разговаривать? – она озабоченно покрутила носом по кабинету и подозрительно нахмурилась. – Надеюсь, что это не дурацкая шутка! Роза Ицхаковна никогда не заплатит деньги мошеннику!

– Роза Ицхаковна, вы присядьте и успокойтесь. Для разговора не требуется техника. Проводником буду я. Сейчас немного помолчите и дайте мне фотографию вашего мужа, ведь вы её принесли?

На самом деле в фотографии не было необходимости, я уже выловил в толпе сухонького старичка-еврея, который терпеливо ждал, когда его благоверная успокоится.

– А вы не слишком молоды для столь деликатного дела? – она держала фотографию в руке, не решаясь передать мне. – Поймите меня правильно, молодой человек, сейчас такое время, все хотят денег, но никто не даёт за них годный товар. Вы были на нашем рынке? За мои кровные вдовьи деньги они постоянно пытаются всучить мне, – она взмахнула фотографией, подчёркивая особенность момента, – всякую ерунду, умершую своей смертью и не попавшую на собственные похороны.

– Послушайте, Роза Ицхаковна, я не собираюсь морочить вам голову, у меня всё просто.

– Молодой человек, я вдова! Четырнадцать лет тому назад, день в день, мой драгоценный муж покинул меня, даже не озаботившись, как я буду жить без него... на какие средства? Каждый день, я беру в руки эту фотографию и проливаю над ней слёзы. Это была такая трагедия – в один момент я осталась без средств к существованию! Вы меня понимаете?

– Простите, может быть, мы начнём сеанс? Время идёт, – мне не терпелось поскорее начать работу, чтобы избавиться от потока слов.

– Я могу на вас рассчитывать, молодой человек? Вы же не обманете бедную вдову? – по тому, как она уже в который раз подчеркнула «бедную», я понял, что гонорар придётся вырывать из её цепких рук в буквальном смысле этого слова.

– Давайте договоримся на берегу, Роза Ицхаковна, чтобы не было непонимания, – я постарался сесть как можно прямее и строго сдвинул брови, надеясь таким образом приструнить вдову. – С моей стороны обеспечение возможности вашего общения с безвременно усопшим мужем. Всё, что вы скажете при этом, умрёт во мне. Но это всё, что я вам обещаю. Улучшить ваше материальное положение, увы, не смогу!

Вдова просверлила во мне тяжёлым взглядом дырку, тяжело вздохнула и, словно отдавая бесплатно бесценный предмет старины, протянула пожелтевшую фотографию. По всей видимости, в их доме не очень любили тратить деньги на всякую ерунду – на фотографии молодые Роза и Мойша были совершенно счастливы. Ещё бы, ведь это был день их свадьбы.

– Как вы думаете, молодой человек, он придёт?

– Да он уже здесь, можете говорить!

Взяв их за руки, я открыл канал связи.

– Мойша, здравствуй! – без тени печали или радости в голосе деловито обратилась жена к мужу.

– Зай гезунд, Розочка, рад тебя видеть, солнце моё! Как твоё здоровье? Как твоя сестра в Жмеринке, всё также страдает, что ты не подарила ей отрез на платье?

– Авадэ, не морочь мне голову, Мойша! Я знаю, что ты всю жизнь копил деньги, чтобы я не знала проблем, если ты вдруг помрёшь! И что? Ты там, я тут и сижу, как дура, без денег! Мойша, где ты дел наши деньги?

– Розочка, но я же оставил всё накопленное на самом видном месте. Открой шкафчик на кухне, там в сахарнице, в сахарном песке мешочек с камушками и золотом. Как можно было не найти это всё за четырнадцать лет, Роза? Я удивляюсь за тебя!

– Мойша, ты идийёт! У меня же диабэт! Какого чёрта я полезу в банку с сахаром? Чтоб ты сдох, старый дурак! Ах, ты уже сдох? Чтоб ты там жил, как я тут свожу концы с концами. Чтоб тебе там было так хорошо, как я про тебя думала все эти годы! Ты идийёт, Мойша!

– Розочка, но ведь на то и был расчёт, чтобы накопленное не потратилось раньше времени, – оправдывался муж. – Вспомни эти безумные траты – каждый год новые туфли! Твоему племяннику Яше дай денег на поездку в Москву, твоей сестре нужно сделать новые зубы, твоей маме срочно понадобилось поправить здоровье на юге. Розочка, они бы нас разорили, по миру пустили!

– Так ты, подлец, эксплуатировал мою болезнь, чтобы разрушить мои мечты? – она выдернула из рукава платочек и приложила к мгновенно промокшим глазам. – Ты прятал от меня деньги, Мойша! Как ты мог? Это же близкие люди! Вот, доберусь до тебя, мало не покажется!

– Розочка, таки я уже начинаю готовиться к нашей встрече? Ты была у врача и получила плохой анализ? Только не говори, что он обещал тебе долгую жизнь!

– Таки да! – с чувством превосходства ответила Роза Ицхаковна. – Мучайся один, раз тебе было так противно общаться с моими близкими! Шломиэль!

Роза Ицхаковна возмущённо отдёргнула от меня руку, долго копалась в старом кошельке, затем не спеша, словно сомневаясь, вытащила две пятисотенные купюры и с королевским достоинством положила их мне на стол.

– Сдачи не надо!

– Роза Ицхаковна, какая сдача? – я не на шутку возмутился. – Сеанс стоит пять тысяч!

– Даже так? – она посмотрела на меня, как на врага народа, как на вора, запустившего руку по локоть в кошелёк вдовы. – Таки вы настаиваете? Хорошо!

С видом оскорблённой невинности она вытащила из обширного лифчика скатанные рулончиком купюры, затем долго отсчитывала, постоянно сбиваясь и начиная с самого начала, сторублёвками ещё тысячу. Просить о большем я не посмел – как можно обижать вдову, получившую горестное известие, что четырнадцать лет она прожила рядом с сокровищами, о которых заботливый супруг не успел, а может и не хотел, ничего сообщить.

Как говорится, деньги я хоть и не все получил, но осадочек остался. Нельзя сказать, что этот случай выбил меня из колеи или поколебал веру в человечество. Дело житейское, хотя в большинстве случаев люди испытывают совсем другие чувства к покинувшим их родственникам. Исключение подтверждает правило, сказал я себе и выкинул из головы Розу Ицхаковну с её незадачливым мужем, тем более что рабочий день продолжался, а очереди не было видно конца. Не хватало только проводов, уносящих вдаль халявное электричество.

Да, кстати, нужно обязательно проверить сахарницу на своей квартире! Вдруг мой дедушка тоже хранил там сбережения, а я и не знаю!

БЫТЬ НА БАЗАРЕ, НЕ ЗНАЧИТ СЛЕДИТЬ ЗА БАЗАРОМ

Периодически к нам заглядывали с визитами «дружбы» представители разного рода надзорных ведомств, которых интересовало, как у нас обстоят дела с пожарной безопасностью, тараканами, наличием наркотиков и наркоманов, общим состоянием оргпреступности в отдельно взятом кабинете и прочей ерундой. Естественно, что они хотели всего лишь на халяву поболтать с кем-то из родственников или знакомых, рассматривая сам процесс, как своего рода развлечение.

Поначалу мы их пугались и соглашались, но со временем и сами научились кусаться, тем более, что контингент наш рос в классе, как дрожжевое тесто, оставленное в тепле. Достаточно было намекнуть вышестоящему начальнику на нелояльность его подчинённых, как их бурный поток моментально исчезал, словно его никогда и не было. Не исполнять же волю самого начальства мы не рисковали, себе дороже выйдет.

На первых порах мы со Светланой успевали за всем следить сами, но со временем поняли – так дальше нельзя. Клиенты идут разные, не все представляют себе, что, собственно говоря, их ждёт в кабинете доктора. Одно слово сказать «поговорить», другое – реально услышать голос того, кто совершенно определённо умер.

Столкнувшись несколько раз с проблемами, мы решили взять на работу хотя бы медсестру, чтобы измерять давление и пульс перед сеансом, задавать некоторые вопросы о состоянии здоровья и заставлять клиента подписывать специальную форму, в которой он снимает с нас ответственность за любые проблемы со здоровьем во время сеанса.

С каждым днём я всё больше привыкал к необходимости общаться с людьми. Оказалось, что это не так сложно, как мне казалось: они такие же, как я, просто у них другие заботы, отличающиеся от моих взгляды на жизнь, в большинстве своём они существенно старше меня.

Светка принудительно гоняла меня в тренажёрку, рассчитывая вылепить из моей «глины» приличную фигуру. Я надеялся халявить на занятиях в качалке, но Светка так обаяла нашего тренера, что он от меня не отходил ни на шаг. Кто бы мог подумать, что обычная работа с людьми требует и хорошей физической подготовки, без этого к концу дня чувствуешь себя выжатым как лимон. А вкупе с тренажёрным залом и побитым десятком дуболомов.

С первых дней оплата производилась по факту, мы рассудили, что раз тариф повременный, необходимую сумму к оплате мы узнаем только после сеанса. Но некоторые ушлые клиенты заявляли, что они не получили того, что ждали, услуга их не устроила и платить категорически отказывались. Мы тратили своё время, а денег не получали.

Став умнее, решили брать предоплату за десять минут сеанса, которая не возвращается ни при каких условиях. Сам для себя решай, если сеанс очень важен, плати, хочешь развлечься – иди мимо. Если кого-то что-то не устраивает, и он хочет забрать деньги силой, его остукает наш охранник.

Теперь у нас работало с десяток помощников. Людям нужно было раздеться, попить чайку в ожидании приёма, получить предварительные консультации и рекомендации. Кто-то должен был элементарно мыть полы и чинить сантехнику. Мы становились серьёзной организацией, готовящейся к превращению в концерн, синдикат или ещё во что-то, звучащее также солидно и таинственно. Но...

Однажды вечером, когда приёмные часы близились к финалу, в кабинет зашёл неприметный невысокий мужчина неопределённого возраста. Из карточки, открытой на моём компьютере, следовало, что посетителя зовут... э-э-э... как же его зовут? В графе ФИО зияла пустота. Я разозлился, поджал губы, мысленно произнося проклятия в адрес нерадивого сотрудника,

не посчитавшего нужным спросить посетителя, как его зовут. Мы не паспортная служба, не банк, нам не требуется документ, но я должен как-то обращаться к сидящему передо мной человеку!

– Не кипишуй, мил человек, всё путём! – остановил извержение моего внутреннего гневного вулкана тихий, но властный голос посетителя. – Можешь звать меня... Степан Егорович, к примеру. Сойдёт?

Я кивнул, понимая, что выгляжу глупо в его глазах.

– Мне бы с человечком кое-что перетереть. Сделаешь? Фотку покажу, погоняло назову, что надо скажу, ты только дай парой слов перекинутесь. Ага?

– Он давно умер? – стараясь усмирить внутреннее беспокойство, для порядка спросил я.

– Умер? Не знаю. Может, и не умер вовсе. Если живой, то не сделаешь ничего?

– Нет. Пока живой никак. Я только с теми... ну, которые... того... умерли. Специфика.

– А ты попробуй, вдруг, да помер, сучара! – мужчина хищно скривил губу. – Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, а я его пожалел, отпустил. Зря, как теперь выходит. Значит, так, смотри сюда, но сильно не вникай – тут фото в разных видах, тут погоняло и фамилия начальная. Давай, парень, давай, дело важное!

Куда подевались многодневные тренировки и Светкина психологическая подготовка с установкой на стрессоустойчивость? Вот опять, столкнулся с изнанкой жизни, и снова знакомое состояние – бледная немочь. Дверь далеко, не убежать, не спрятаться, делай, что сказано, Миша, авось пронесёт!

С контрагентом была некая странность. Не то, чтобы я его не видел, но он постоянно исчезал из виду, никак не получалось схватить его за руку. И не жаждал он встречи со мной, а совсем наоборот – прятался за прочими, пригибался, упирался в них, чтобы не проскочить в первый ряд. Я «тянул» его изо всех сил, то ослабляя силу притяжения, то резко дёргая, словно подсекал рыбу. Наконец, мне удалось вцепиться в него.

– Руку, – прохрипел я мужику, чувствуя, что надолго моих сил не хватит.

Тот без слов, словно только и ждал этого, жёстко защемил мою ладонь, разве что не ломая мне пальцы.

– Больно ведь, блин! Не нужно так жать! – взвизгнул я. – Мне достаточно простое касание, чёрт бы вас подрал с вашим Клещом. Один хватается, другой вырывается, – ворчал я, налаживая прочный контакт в ожидании волшебного момента соединения.

Но не тут-то было. Нечто невообразимо мощное тащило моего покойного контрагента обратно, буквально отрывая мне руку, ещё чуть-чуть и он уйдёт. В голове звучали какие-то странные обрывки фраз «разряд... ещё разряд... адреналин в сердце... да не кубик, колите сразу три... все, отмучился». В тот же момент противоток исчез. Похоже, пациент был между жизнью и смертью. Кто знает, рассуждал я уже потом, не я ли в стремлении удержать контакт, заставил его умереть? Хотя, с точки зрения живых, туда ему и дорога – большой подонок был при жизни, но от всех обвинений умудрился отвертеться. Теперь точка.

– Задавайте вопросы, у вас мало времени.

– А ты это, не можешь уши закрыть? Нет? Ага, понятно! Но ты понял, если что... в общем, я предупредил. Следи за базаром, парень, чтобы потом лишнего не сболтнуть!

Чего здесь не понять? Достаточно внятно предупредили, что ничего хорошего впереди не будет, но и отказываться поздно. Хотел денег – получи!

– Клещ, где камушки, братан? Тебе уже всё равно, а пацаны реально не поняли, как ты мог ссучиться? Неужто, хочешь, чтобы мы к твоей Нинке и пацану её в гости заглянули? Ты это, не бери на себя лишнего – где камушки, Клещ?

Сказать, что я испугался, значит, ничего не сказать. Меня охватил ужас от осознания, что стал свидетелем преступной сделки, после которой меня вполне могут отправить к тем, с кем я столь охотно общаюсь. И сбежать не получится, пришьют на месте, выпотрошат, заставят всё

узнать у Клеща. Если буду говорить, что он молчит, лучше мне не станет. Ситуация патовая, точнее, сильно минусовая. Вот зачем я в это сунулся? Денег и славы захотелось? А зачем они тебе мёртвому и холодному?

– Да ты не гоношись, Клещ, никого не обидим, Нинке с пацаном долю малую откинем, нам не в падлу. Ты только хорошенько подумай, прежде чем снова ныкаться, у нас ведь теперь есть способ до тебя дотянуться, я прав, парень?

Я лишь моргнул глазами в знак согласия, стараясь удержать контакт до полного признания Клеща. Молчанка затянулась.

– Ты, эта, парень, можешь его как-нибудь подопнуть? Я понимаю, он ужедохлый, ему терять нечего, неужто Нинки не жалко? Или хочет, чтоб она к нему тоже птичкой порхнула? Так ты, эта, Клещ, подумай, сразу она умрёт или помучается? А пацан её? Его ведь на её глазах сперва, а потом уже с ней будем миловаться, пока не помрёт. Думаешь, она тебе на шею кинется после этого? Ты, эта, подумай, Клещ! Я могу завтра подойти, время терпит, но немного! Завтра не ответишь, прощай Нинка с пацаном. Так что делать будем, Клещ?

Клещ уже не пытался спрятаться или вырваться. По выражению его лица чувствовалось, он перебирает массу вариантов решения проблемы, но ни один из них его не устраивает. Вот зачем ему после смерти те камушки? И не дурак же он отдавать их той самой Нинке, понимает, к ней первой придут, если что. Спрятаны где-то в надёжном месте и хотелось Клещу превратить их в красивую жизнь, но вышло всё по-другому. И не заметно, чтобы беспокоила его судьба Нинки с пацаном, ни разу даже не напрягся, когда этот самый Степан Егорович про них говорил, по барабану ему, что с ними будет.

– Камушки, Седой, я по разным местам заныкал на всякий случай. Так что будем договариваться по шагам. Я тебя знаю, ты меня знаешь, поэтому подстраховаться никогда не вредно.

– Как скажешь, Клещ, как скажешь, по шагам, так по шагам, – явно оживился Седой. – С чего начнём? Где первая нычка?

– Да у тебя в пиджаке, Седой, под подкладкой, – Клещ захихикал, явно довольный своей выдумкой. – Помнишь, ты просил костюм в химчистку сдать? Ну, вот тогда я камушки в подкладку и зашил – с правой стороны прямо под карманом. Там пять камушков.

Седой завертелся ужом, пытаясь левой рукой дотянуться до правой части костюма.

– Да, не крутись ты, Седой, как уж на сковородке, там они, потом вытащишь, мне смысла нет тухлый порожняк гнать! Посмотрим, как слово держишь. Нинке деньжат подкинешь, сколько не жалко, а я проверю. Нынче я много чего могу. Пожадничаешь, ничего больше не получишь! Понятно сказал, Седой?

– Чего не понять, Клещ, сделаем, не обидим, всё по понятиям будет! Только и ты уговор держи, завтра приду, продолжим базар за камушки. Нам чужого не надо, но за своё любого порвём, ты же знаешь, Клещ!

– Знаю-знаю, Седой, можешь не расписывать. Только за те камушки ещё одна просьбочка, махонькая, не сильно потратишься, а мне приятно будет, Седой! Сходи в церковь, поставь за мой упокой свечку и закажи молебен за отпущение грехов раба божьего Ефима. Не Клеща, а Ефима, имя у меня есть, Седой, по нему меня бог знает. Сходишь?

– Чего же не сходить, чай ботинки не истопчу, нынче же и забегу! Всё будет ништяк, Клещ! Бывай! – Седой отпустил мою руку, крайне довольный разговором.

Без малейших потуг с моей стороны кинул на стол пачку тысячерублёвых купюр, и собрался было уходить, но неожиданная мысль заставила его остановиться.

– Скажи, мил человек, в чём засада, что я за него свечку поставлю и молебен закажу? Не может быть, чтобы Клещ что-то делал так просто!

Я слотнул, не зная, как ответить. Резоны Клеща понятны – пока Седой его не отпустит, он не сможет уйти на тот свет. Свечка и молебен – те самые ключики, открывающие дорогу.

Клещ, несомненно, хитрован ещё тот, за малую долю камушков решает все свои проблемы, и плевать ему на Нинку с пацаном.

Первая часть уговора была не более, чем отвлекающим манёвром. Если на весы положить деньги для Нинки и свечку в церкви, то деньги, несомненно, перетянут, на это и сделан расчёт. Но Седой не тот человек, который поведётся, как лох, он повсюду чувствует измену и засаду, это я в нём с ходу прочитал, научился кое-чему за это время.

– Ты, мил человек, не молчи, правду говори! – Седой не возвысил голос, не вытащил из кармана финку, но в его ровном тоне звучало столько скрытой угрозы, что молчать, а тем более врать не захотелось. – Я здесь и живой, а он там и уже совсем не страшный. Тебе живых бояться надо, мил человек, они страшнее покойников. С покойниками всё проще – не обманут, не предадут, не украдут, лишнего не возьмут, с твоей женщиной не переспят, ангелы, да и только. А вот живые – это проблема. Так в чём засада, мил человек?

– Уйти он хочет, – неохотно признался я. – Вы же ему грехи отпустите, то есть разрешите уйти на тот свет, а оттуда мне уже до него не достучаться. Я могу говорить только с теми, кто ещё здесь, кого что-то или кто-то держит, не отпускает, не даёт уйти.

– Вот же, крыса, – выматерился Седой. – Ну, ты, мил человек, правильно сделал, что сказал, зачтётся, я доброго дела не забуду! – по мне, так лучше бы он вообще забыл, как меня зовут, и где я нахожусь. – А ему молчок, договорились? – я кивнул.

А что мне оставалось делать? Не в милицию же бежать по такому вопросу – спасите, помогите, тут покойник с бандитом бриллианты делят, а я за свою жизнь опасаясь. Меня же самого в камеру и закроют, а потом в психушку отправят, которая по мне, похоже, давно скушает.

НЕ БЫВАЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ, БЫВАЮТ НЕПРАВИЛЬНЫЕ ПЧЕЛЫ

После такой встряски работать я уже не мог, поэтому приём на этот вечер отменил полностью, пообещав, что завтра начну пораньше и отработаю всех, чей сеанс сорвался. Ничего, подождут, никуда их покойнички не денутся, тут живых бояться нужно.

Светлана потребовала объяснить, что происходит и не отступила, пока я не выложил всё в деталях. Думала она недолго, решение приняла быстро:

– Пусть всё идёт, как идёт! С этой проблемой нужно переспать, а там видно будет.

Переспать со Светкой я всегда готов, а вот с проблемой, да ещё с такой, в постель ложиться не хочется. Замучаешься, а не уснёшь до утра, будешь ворочаться, придумывая ужасности один другого страшнее. До сей поры я как-то старался избегать негативной части жизни, зная о ней исключительно из кино. Встретившись с преступником лицом к лицу, понял, что кино всё врёт, в жизни многое проще и страшнее, а главное непредсказуемее.

Тем не менее, благодаря Светке, а точнее, её любовным битвам, я уснул, как младенец, умудрившись до утра ни разу не проснуться. Утро подарило верный ответ на мучивший меня вопрос – Светка права, пусть всё идёт, как идёт. В конце концов, ну, не убьёт же он нас! Мы ему ещё пригодимся, нужно просто придерживаться определённых правил и это, как он там сказал – следить за базаром, чтобы чего лишнего кому не надо не ляпнуть. Дрессировщики в цирке к хищникам в клетку входят, голову им в пасть суют, а мне-то всего лишь помочь двум людям найти общий язык.

Отдаст Клещ этому бандиту алмазы и сгинет на веки вечные в аду, как и его подельник когда-нибудь. Все люди смертны, на всё воля Божья! К тому же, как бы противно это не было мне и Светке, услуги подобного рода могут понадобиться им и впоследствии, а быть нужным, значит, долго жить.

Светка, явившаяся из кухни в спальню в моей рубашке на голое тело, заявила безапелляционно, что я супер, что я гений и, вообще, потрясный мужик! С таким утверждениями я категорически согласился, поэтому выпрыгнул из постели голодным тигром, крепко чмокнул любимую в губы и потащил на кухню, чувствуя невероятное желание проглотить если не мамонта, то существенную его часть.

* * *

Рабочее утро началось в стахановском темпе – приходилось навёрстывать вчерашнее безделье. К счастью, клиент шёл простой и непривередливый. После короткого разговора люди, просветлев лицом, спешили уйти, оставив в нашей кассе весьма существенную плату за столь небольшую, как мне казалось услугу. Но, согласитесь, я честно предупредил – до-ро-го – если человек платит, значит, цена устраивает. Так я думал, пока в мой кабинет не вошла Мария Степановна, потерявшая в одночасье детей и внуков, погибших в автокатастрофе.

– Здравствуйте, доктор, – негромко поздоровалась она, войдя в мой кабинет.

Я и правда был похож на доктора в белом халате, на шее стетоскоп висит, на столе прибор для измерения давления, книги по медицине. Светка настояла, мол, так у людей доверия больше, чем просто к мальчику. Привычка у людей – доктор всё знает, доктор поможет.

– Здравствуйте, Мария Степановна, – я постарался придать голосу уверенность, солидность, доброжелательность, но вышло существенно проще, словно с учительницей в классе поздоровался. – Вы присаживайтесь вот сюда, пожалуйста! Как ваше здоровье, как сердце, не хотите измерить давление?

Её вид меня пугал – худая серая тень в чёрном, казалось, дунь ветерок и несчастную женщину унесёт прочь. Вдруг во время сеанса помрёт от переживаний: сердце не выдержит или удар хватит? Что делать, как объяснить, почему пациент неожиданно умер?

– Вы, доктор, не смотрите, что плохо выгляжу, я жилистая, сдюжу, – успокоила она сдрейфившего «доктора». – Мне бы с детками ещё разок увидеться, не успела им слово доброе сказать на прощание, слишком быстро всё случилось. Они же ко мне ехали, спешили, а тут дождь и этот «Камаз». А у меня пироги на столе остывают. Я в окошко выглядываю, да ругаю их последними словами, что опаздывают к матери, а то и вовсе про меня забыли.

Мария Степановна рассказывала печальную историю гибели семьи, изредка прикладывая платочек к глазам. Я не торопил её, хотя вся семья уже стояла у барьера, ожидая своей очереди. Там за дверью кто-то начал возмущаться, что время нарушают, что всем нужно быстрее, но Светлана быстро утихомирила смутьянов, пригрозив вовсе прекратить приём.

– Мария Степановна, они ждут, – я осторожно взял её невесомую ладошку и протянул руку за барьер. – Говорите, о времени не думайте!

Несмотря на то что мы установили повременную оплату, я принял решение не брать денег со старушки даже если она их будет предлагать. Мне казалось кощунством брать плату с таких людей в минуту прощания.

А они говорили и говорили – старушка, её сын и невестка, два внука близнеца лет десяти от роду и девочка годом их старше.

Понимаю, что это выглядит абсурдом, когда живой человек разговаривает с теми, кто уже умер. Разве можно наговориться за несколько минут, даже часов, когда прожита огромная жизнь? Тем не менее у каждого человека остаётся в душе некая невысказанность, затаённая до особого часа, который не всегда наступает. Люди уходят, а мы продолжаем жить, терзаясь, что не сказали им этих самых важных слов.

Нужно это нам самим или тем, кто ушёл? Кому это важнее? Не уверен, но по себе знаю, на душе становится легче, когда можешь сказать те самые потаённые слова самым дорогим для тебя людям. Именно поэтому Марии Степановне отдали столько времени, сколько ей понадобилось.

В этот вечер приёма больше не было.

ПОТАЙНАЯ ЛОВУШКА

Следующий день ничем, кроме погоды, не отличался от множества предыдущих. С утра пошёл мелкий противный дождик, намекая, что так будет весь день. Похолодало не по-июльски, захотелось горячего чая, горящего камина и мягкого дивана, а не работы, которой никогда не будет конца. Говорят, что если твоё увлечение стало смыслом жизни, ты никогда больше не будешь ходить на работу. Но как назвать то, чем я занимаюсь вот уже больше двух недель?

Поначалу я действительно увлёкся, но теперь сеансы уже становятся всё больше рутинной, зарабатыванием денег, отбывтием повинности, чем увлечением. Поэтому, на мой взгляд, я хожу на работу, поэтому так и хочется её прогулять в такую погоду. Но кто мне позволит? Работай, Миша! Тем более что день приближается к обеду – заветному времени для каждого работяги.

Светлана, остановив собиравшегося вбежать в кабинет очередника, вошла и закрыла дверь.

– Миша, тебя в полицию вызывают, – она смотрела на меня с удивлением и подозрением. – Ты что-то натворил? Говори немедленно, я вся на нервах!

– Перепутали, наверное, – отмахнулся я, но вдруг вспомнил о вчерашнем телефонном звонке. – Это по другому делу! Забыл совсем, что они звонили.

– Что значит забыл? По какому делу? Почему я не знаю? – застрочила она. – Это же не кошелёк потерять, тут в полицию вызывают, – с каким-то трагизмом в голосе произнесла Светка.

– Слушай, не нагоняй волну, всё в порядке, им нужна помощь, просто помощь, меня вызывают как эксперта.

Я рассказал, что вчера во время прогулки, когда я стараюсь быть совершенно один, позвонил мой, по забывчивости не выключенный, мобильный. Если не отключаться хотя бы на время от всех проблем, внутренняя душевная батарейка быстро садится. Поэтому при любых обстоятельствах два раза в день я ухожу в парк и гуляю, наслаждаясь ветром, солнцем, тишиной и покоем. Находясь в лёгком трансе, я не сразу понял, кто звонит и что ему от меня нужно.

Позвонивший представился капитаном уголовного розыска, уточнил, с кем он разговаривает и попросил подойти к ним в отдел в тот же день, как можно срочнее – им нужна моя помощь, как эксперта.

Звонок мне не понравился, тем более, что мы только что, буквально вчера отбили очередной наплыв желающих именно из этой государственной службы, позвонив их начальнику напрямую. И вот опять, да не на приём напрашиваются, а уже к себе вызывают. Это ли не наглость?

Сделав вид, что буквально счастлив от сделанного предложения, вежливо отказался, сославшись на плотный график приёма. Потом сбросил звонок, выключил телефон и выкинул из головы этот разговор. Но они не унимаются, а дело серьёзное – это не телефонный разговор, за неявку по повестке могут и арестовать.

– Нужно идти, Миша, это не игрушки!

Спорить со Светкой, настроенной столь решительно, я не стал, тем более что позвонили с поста охраны – меня ожидает машина. Нетрудно догадаться, какая именно машина и куда она меня повезёт.

– Как думаешь, сколько мне дадут? – пошутил я и едва не схлопотал журнал по голове.

– Сам дурак и шутки у тебя дурацкие, – заявила Светка, сменив гнев на милость и смахивая с моей рубашки невидимые пылинки. – Ты там это, веди себя скромно, спокойно, со всем соглашайся. Главное, вернись домой – я тебя буду ждать!

Она так крепко прижалась ко мне всем телом, что я совершенно точно понял, если не вернусь вовремя, взорвёт райотдел, расстреляет весь личный состав, раскидает СИЗО по кирпичикам, лишь бы спасти милого. В такие моменты со Светкой спорить опасно. Пообещав вер-

нутья, чмокнув её в губы, отправился в путь, чувствуя себя если не Христом, то супергероем точно – вот что значит любовь ближнего.

* * *

Погода, словно поддерживая меня морально, изменилась в лучшую сторону. Поднявшийся ветер разогнал серые облака, горячее июльское солнце моментально высушило асфальт, на улицах стало больше красивых девушек и женщин, но ничего из этого не радовало молодого экстрасенса, не ожидавшего от вызова в полицию ничего хорошего. Могли просто повод найти, чтобы добиться своего, – бубнил я под нос, хмуро глядя на улыбающихся, радующихся лету пешеходов.

В кабинете меня ждал молодой сотрудник уголовного розыска, сообщивший, что капитан Удальцов сейчас у начальства и просил его подождать.

– Чай, кофе? – любезно предложил сотрудник. – Только без сахара, получка завтра, а сахар кончился.

– Спасибо, не надо, – отказался я, чувствуя, что никакой чай в меня сейчас не полезет. – А по какому делу меня вызвали, что-то случилось, я что-то нарушил?

– Да что вы, – отмахнулся сотрудник. – Меня, кстати, Николаем зовут, а вас Михаил Григорьевич, если не ошибаюсь.

– Можно просто Михаил... Миша, – поправился я, не чувствуя себя пока полноценным Михаилом Григорьевичем.

– Говорят, что вы можете типа с мёртвыми разговаривать? – в глазах Николая горел неподдельный интерес. – Они же померли, как с ними разговаривать? Типа душа, да?

– Типа да, – коротко ответил я, вовсе не успокоенный словами сотрудника. – Так что от меня нужно капитану Удальцову? Хотя бы в общих чертах, если можно, – попросил я, надеясь как-то подготовиться к разговору со следователем.

– Не могу, Миша, – развёл руками Николай, – капитан приказал без него тему не начинать. Он у нас знаешь, какой строгий? Жуть! Его все бандиты на районе боятся за принципиальность. Если накосячил, Петрович мигом за шкварник и в СИЗО. Ещё никто от него не уходил домой, только на зону. Да ты, то есть вы не дрейфи, э-э-э, не бойтесь – это же он с бандюками так, а вы эксперт! – быстро уточнил Николай, заметив, как вытянулось моё лицо во время живописания судьбы личностей, попавших в кабинет Петровича.

– Спасибо, успокоил, – я тяжело вздохнул. – Можно на ты, так проще.

Кабинет следователя действовал на меня угнетающе. Давили стены, угрожая схлопнуться и раздавить, как комара. Телефон угрожающе звонил и звонил, а Николай даже не собирался на него отвечать, полностью поглощённый разговором с интересной личностью, то есть со мной. В коридоре слышались матюки задержанных и окрики охранников, их сопровождающих. Десятки людей ходили, топали, пробегали по коридору, громко хлопая дверями, словно в коридоре шла ожесточённая перестрелка. А потом и вовсе раздалась настоящая автоматная очередь за окном.

– Неужто завёл? – удивился Николай и кинулся к окну. – Серёга, ну, как наш козлик, поживёт ещё?

Я хотел было кинуться к бестолковому Николаю, чтобы спасти его от верной смерти, как стрельба сменилась на всё более уверенное, хотя и достаточно громкое пыхтение автомобильного двигателя.

– Да, чего ему сделается? – отозвался, видимо, Серёга. – Он же железный! Сейчас карбюратор подрегулирую и катайся, как на новом!

– Вот же мужик, золотые руки, – кинулся было рассказывать мне Николай историю про мастера, как дверь распахнулась, и в кабинет вошёл невысокий, средних лет мужчина в обычном костюме, без пистолета, с обычной бумажной папкой на завязочках под мышкой.

Коротко стриженный, скуластый, он смотрел на меня прищурившись, словно прицеливался или оценивал ситуацию.

– Товарищ капитан, задержанный... э-э-э, приглашённый эксперт прибыл, – поспешил доложить Николай.

– Прибыл, значит? – капитан сел за стол, движением руки предложил мне снова сесть и начал внимательно оглядывать, словно экспонат в музее. – Любопытно, а я вас себе по-другому представлял, – признался он. – Документы при себе?

– Документы? В смысле паспорт?

– Ну, да, документы, – капитан смотрел с нескрываемой усмешкой, – паспорт тоже сгодится. Должен же я знать, с кем разговариваю, – он взял паспорт, раскрыл и внимательно сверил фотографию с моей физиономией.

Затем, забавно шевеля губами, прочитал, кто и когда выдал документ, перелистнул на страничку с пропиской, заглянул в раздел, связанный с жёнами и детьми.

– Не женаты, значит? Занятие у вас серьёзное, ответственное, а ни жены, ни детей, словно собираетесь в любой момент сбежать от обманутых клиентов.

– Я никого не обманываю, – понятно, что капитан меня подначивает, но всё равно обидно, когда говорят такое. – Люди получают то, за чем приходят. Ещё никто не сказал, что его обманули. Или кто-то накалал жалобу?

– Да, шучу я, успокойтесь, Михаил Григорьевич, – капитан протянул мне паспорт. – Никаких жалоб, исключительно отзывы в самых восхитительных тонах, поэтому мы к вам и обратились за помощью. Человек пропал, девочка семи лет: вышла из школы и пропала по дороге домой. Это произошло позавчера. Точнее пропало три ребёнка, но данные по остальным потеряшкам поступили только сегодня утром. Розыски ничего не дают, свидетелей нет, подозреваемых тоже. Вы наша последняя надежда, Михаил Григорьевич.

Ничего себе, прямо обухом по лбу. Сiju как на иголках, переживаю, строю из себя узника совести, а тут горе вселенское – дети пропали. Представляю, как переживают родители.

– Пойдите, товарищ капитан...

– Леонид Петрович, – поправил капитан, – так будет проще.

– Вы же понимаете, Леонид Петрович, что я могу... моя специфика... если я смогу с ними поговорить, значит...

– Мы понимаем, и всё же, – капитан явно решил идти до конца, – даже в этом случае вы, я надеюсь, сможете поговорить с детьми. Это так?

Я кивнул, отчаянно надеясь, что ни с кем из них мне не придётся разговаривать таким способом. Как угодно, только не так.

– Посмотрите, здесь их фотографии, имена, фамилии. Фотографии их родителей, одноклассников, друзей. Вот протокол опроса родителей в день исчезновения, во что были одеты, что имели при себе, какие причёски, бантики и прочее. Что ещё нужно? Мы постараемся предоставить всё возможное, только не разочаруйте нас, Михаил Григорьевич. Очень вас прошу!

До боли в глазах я всматривался в фотографии, пытаюсь вызвать на разговор тех, кого со вчерашнего дня безуспешно искали родители, друзья и знакомые, полиция. Я вглядывался в ряды, выстроившихся призрачных гостей, до последнего надеясь не увидеть среди них именно этих детей. Ничего! Хорошо это или плохо? Как сказать. Если я их не вижу, значит, они ещё живы! Это здорово и есть повод для оптимизма. Только что я скажу капитану Удальцову и этому молодому лейтенанту Николаю, смотрящему на меня, как на бога? Они просто разочаруются – очередной мошенник!

– Что, Михаил Григорьевич, не получается? – без тени сарказма, словно заранее зная результат, устало поинтересовался капитан. – Но мы должны были проверить и эту ниточку, сами понимаете...

Ничего себе, он успокаивает меня, хотя на его месте я бы выгнал меня с треском, и на весь белый свет расписал, что он народ дурит за большие деньги. А он меня... Стоп! Это кто?

– Вот ваша повестка, – капитан быстро черкнулся в бумажке и протянул её мне. – Мы вас больше не задерживаем. Это покажете на выходе.

– Да подождите вы со своей бумажкой, – я раздражённо отмахнулся. – Как тебя зовут, – обратился я к незнакомой девочке, настойчиво ловившей мой взгляд.

– Меня? – удивился лейтенант. – Я же говорил...

– Тихо ты, – оборвал его капитан, – не с тобой разговаривают.

– Катя Грибова, – радостно отозвалась девочка, поймав мою руку. – Дяденька, а вы можете отправить меня туда? – она махнула тонкой ручкой куда-то вверх. – Мне здесь скучно и страшно. Они приходят и уходят, а я остаюсь.

– Капитан, кто такая Катя Грибова, лет десяти, примерно?

– Дай минутку, Миша, – капитан кинулся что-то набирать в компьютере. Имя ему явно ничего не сказало.

– Катенька, я обязательно тебе помогу, мне только нужно узнать, кто держит тебя здесь?

– Лена, Саша и Лариса, – быстро ответила Катя. – Они пошли меня искать, и попали в ловушку, – она спешила рассказать всё самое важное, словно её поезд вот-вот должен был отойти от перрона.

– Катя Грибова, ученица интерната, родителей нет, пропала полгода назад. Все решили, что утонула, но тела так и не нашли. Дело закрыли за отсутствием улик и состава преступления. Девочка из соседнего района, поэтому в нашу серию не попала, – быстро отчитался капитан. – Что ещё, Миша? Они живы?

– Катя, где они сейчас?

– Там же, где и я, – удивилась моей непонятливости девочка. – Я же сказала, они попались в ловушку. Это в подвале нашего интерната. Я им как-то рассказала, что под нашим интернатом подвал старинного замка, там есть сокровища, и я их обязательно найду. А потом куплю себе папу и маму, – у Кати задрожали губы, она всхлипнула, но плакать не стала. – Я ведь понимаю, родителей не купишь, но мне так хотелось, чтобы у меня были родители, как у всех.

– Они живы? Девочки живы? – спросил я для очистки совести, точно зная ответ, ведь никого из них я пока не видел перед внутренним взором. Но это пока...

– Да, живы, но у них нет воды и еды, если им не помочь, они скоро умрут и... мы будем снова вместе, – она так обрадовалась своему открытию, что даже не заметила грустного факта – для этого девочкам нужно умереть.

– Катя, девочек нужно спасти, им ещё рано умирать и только ты можешь нам в этом помочь! Сделаешь? Расскажи, где их искать?

– Нет, – девочка неожиданно расплакалась, – я не помогу вам, вы заберёте их у меня, а я одна, я совсем одна, я всегда одна. Пусть они придут ко мне, им ведь совсем немного осталось, ещё чуть-чуть подождать и они будут со мной. Я не скажу вам ничего, отпустите меня, мне больно, – захныкала девочка, размазывая свободной рукой слезы по лицу.

– Миша, что там у вас происходит? Помощь нужна? – вмешался капитан, чувствуя, что дело идёт не совсем туда, куда бы хотелось.

– Нужна, – признался я, не зная, как убедить девочку спасти подружек. – Возьмите меня за руку и закройте глаза, вы сможете поговорить с Катей, но она не хочет нам помогать, потому что девочки вот-вот умрут и присоединятся к ней. Понимаете, капитан?

Он не стал раздумывать, тотчас же сделав требуемое.

– Катя, девочка моя, послушай! Меня зовут Леонид Петрович, я капитан полиции и веду дело о пропаже этих трёх девочек. Дома не спят родители, думающие о самом страшном. Весь город сейчас ждёт, вернутся девочки домой или нет? Вы обязательно встретитесь, но позже, девочка моя, немного позже! Я это точно знаю, ты можешь мне верить. Я был там, где сейчас

ты, правда совсем недолго, и встретил своего старого друга, погибшего за много лет до этого. Дружья всегда встречаются, сколько бы лет ни длилась разлука.

Катя перестала плакать, в её огромных глазах светилась надежда. Она слушала капитана, не замечая, что всё сильнее сжимает мою ладонь. Она заговорила сразу, как капитан замолчал.

– В спортзале, в раздевалке для девочек, в стенном шкафу одна панель на стене сдвигается. Но не так просто, нужно нажать на три шишечки одновременно – две справа на уровне моей головы и одна слева. Их почти не видно, но у меня была картинка, я её нашла в старой коробке на чердаке интерната. Там за панелью есть лестница, по ней спускаешься и открываешь дверь. Она открывается только в одну сторону, это ловушка для дураков. Они сейчас там. Потому что я им дала тогда перерисованную картинку, дура!

– Ты не дура, Катюша, – поспешил успокоить её капитан, – ты большая умница! Мы спасём девочек и Михаил Григорьевич поможет тебе отправиться в лучший из миров. Мы обязательно расскажем девочкам, кто их спас, ты можешь в это верить, даю тебе слово, как друг, – капитан сжал мою руку, словно передал это рукопожатие девочке. – Мы побегим их спасать, Катюша, и потом вернёмся к тебе!

– Михаил Григорьевич, вы останетесь здесь или с нами? – капитан лихорадочно собирался, торопясь на место пропажи девочек.

– Конечно, с вами, да и Катя тоже. Так, Катя? – спросил я у девочки, не сомневаясь в ответе.

– Конечно, вы ведь ни за что не найдёте те нужные шишечки, их триста лет никто не мог найти, а я нашла.

Девочки были едва живы, когда их вынесли из подвала на руках и загрузили в машины «Скорой помощи». Мы проехали до больницы – мне хотелось в точности знать, что с девочками будет всё в порядке, а капитан надеялся взять показания, если врачи пустят в палату.

– Поймите, – уговаривал он врача, – я не могу ждать, когда они придут в себя полностью. А вдруг в этом замешан какой-нибудь маньяк и завтра пропадёт ещё несколько девочек, вы готовы взять на себя ответственность за их жизни?

– Позвольте, – отбивался врач, поправляя постоянно сползающие очки, – но они же сказали, что сами по своей воле пришли в этот подвал. Какие маньяки, что вы наговариваете ужасов?

– Вы не понимаете, доктор, – упорствовал капитан, – зачастую жертвы не могут или не хотят признаться, что стали жертвами преступника. Ведь им может оказаться кто-то им хорошо знакомый, иногда даже близкий родственник или учитель. Они будут говорить всё, что угодно из опасения, что он снова может проделать с ними те ужасы, которые им пришлось испытать. Я должен поговорить с ними немедленно и не стоит препятствовать мне в исполнении служебного долга. Скажите, они могут разговаривать?

Доктор кивнул, не в силах противостоять напору капитана Удальцова. Я мог лишь почувствовать доктору, но позиция капитана мне казалась более правильной – нужно убедиться, что никто больше не пострадает.

– Он пойдёт со мной, это наш эксперт! – безапелляционно заявил капитан и пригласил меня следовать за ним в палату.

Девочки выглядели существенно бодрее, чем час назад – тёплые одеяла, горячий бульон и сладкий чай наполнили их хрупкие тельца жизнью.

Капитан с разрешения сидящих в палате родителей задавал им вопросы, они, перебивая друг друга, отвечали, а я смотрел на Катю Грибову, стоящую по ту сторону барьера с неммым вопросом в глазах. Я взял её за руку, чтобы ей не было так одиноко.

– С ними всё будет хорошо? – немного грустно спросила она, разглядывая девочек, лежащих в больничных кроватках.

Я молча кивнул, чтобы не отвлекать капитана и детей от беседы.

– Мне грустно, – пожаловалась Катя, – они меня не отпускают, а здесь у меня никого нет. Вы можете мне помочь, дяденька?

Конечно могу, вот только нужно как-то объяснить девочкам, кто их спас на самом деле и почему этот человек сейчас мучается. Хорошо в сказках, там с самого начала понятно, что всё происходящее – вымысел. Можно погрустить, даже поплакать, а то и посмеяться, чтобы потом, закрыв книжку, забыть даже самую страшную сказку.

Родители, конечно же, не поверили моим словам, но не смогли отказать тому, кто спас их детей. Свою маленькую сказку я решил сделать доброй, рассказав как можно более просто о том, кто и как на самом деле помог нам их спасти. Если девочки и не поняли что-то из рассказа, это не беда, но они охотно включились в игру, согласившись отпустить Катю с тем условием, что когда-то, через много-много лет, все вместе встретятся снова.

Видимо там, куда спешила уйти Катя, было по-настоящему хорошо, потому что она сильно обрадовалась словам девочек и собралась уже убежать, как к ней подошли мужчина и женщина. Они взяли её за свободную руку, и я невольно подслушал их разговор.

Муж и жена стали жертвой несчастного случая, их маленький ребёнок остался на попечении бабушки. С ними простились, отпели, проводили честь по чести, но страшная тоска по малышу не отпускала их из этого мира. Познакомившись с Катей, узнав её историю, они попросили её стать их дочкой в ином мире. Катя согласилась.

– А ведь и правда, соковища дали мне родителей? – рассмеялась она напоследок, отпустив мою руку.

Они уходили прочь, в туманную даль, становясь всё мельче и туманнее, пока неожиданная вспышка ослепительного пламени не стёрла их из этого мира. Точнее, из иного мира, ведь наш мир все они покинули давно.

– Не плачь, эксперт, – капитан толкнул меня локтём, – родители смотрят.

Вот ничего себе, я разнюнился, как девчонка, хотя, кто знает, как бы другой вёл себя на моём месте. И, всё-таки, мечты сбываются, не здесь, так в другом мире точно!

– Леонид Петрович, а как звали вашего друга? – спросил я, решив при случае предложить им поговорить ещё раз, если друг ещё был в зоне доступности.

– Какого друга? – удивился капитан.

– Ну, погибшего, – подсказал я запамятававшему капитану, – о котором вы Кате говорили.

– Да, не было никакого друга, – легко отмахнулся капитан. – Надо же было как-то её уговорить сотрудничать, вот и придумал. В нашей работе нужно импровизировать на ходу, иначе никак, – он ободряющее похлопал меня по плечу и ушёл.

А я остался с чувством недоумения и разочарования – ведь я, как и Катя, поверил ему! Нельзя так шутить даже для дела! А с виду человек приличный. Или ты, Миша, ещё не научился разбираться в людях?

* * *

Мелкая ложь капитана не смогла испортить хорошего настроения – девочек спасли и во многом, благодаря мне и моему дару. Значит, всё это не зря, есть какой-то толк, какая-то польза людям, кроме разговоров с покойниками за деньги.

В приподнятом настроении, купив по дороге букет цветов, я возвратился прямиком домой – приём давно закончился. Светлана заставила всё рассказать в подробностях, а некоторые моменты и по несколько раз, переживая за девочек и окончательно расплакавшись в финале истории о Кате, нашедшей там в ином мире родителей.

Хорошо быть частным предприятием: хочешь – работаешь, надоело – отдыхаешь. И мы решили устроить себе маленький отпуск. Наше предприятие не работало больше недели. За это время некоторые клиенты отказались от записи, объяснив, что уже отпустили умерших сами,

просто поговорив с ними, как с живыми, прочитав молитву, поставив свечку в церкви. Оказывается, существует масса возможностей, не обращаясь к различного рода шарлатанам, по-человечески проститься с теми, кого любишь даже после их смерти.

Очередь существенно проредилась, услуга перестала казаться экзотической, к тому же в городе, как грибы после дождя, появились во множестве «последователи», быстро понявшие, что на этом можно легко и просто «срубить бабла». Их шоу проходило несколько не так, как у меня, но «за умеренную плату», что вполне устраивало многих людей, не имевших в кармане больших денег.

Конкуренция должна снижать цену на услуги и повышать их качество, так говорит закон свободного рынка, но для мира шарлатанов этот закон неприменим. Здесь правит антураж, непонятность, заумность, причудливость, вычурность самого прорицателя и процесса оказания услуги. На сознание клиента действуют хрустальными шарами, чучелами сов, оскаленными черепами, магическими пентаграммами и прочей ерундой, подробно описанной во многих книгах и сериалах про магию.

Мой кабинет был прост, аскетически пуст и мало похож на то, место, где живёт волшебство. Клиентов с каждым днём становилось всё меньше. Меня это радовало возможностью вернуться к прежней спокойной жизни, Светлану расстраивало до невозможности. Весь её мир, созданный после последнего разговора с дочерью, рушился, грозя возвращением прежних серых будней.

Несмотря на успех операции по спасению девочек, силовые ведомства не спешили обращаться ко мне за помощью, рассудив, скорее всего, что инициатива капитана Удальцова не более, чем авантюра. Их практичность меня радовала – не хватало ещё стать штатной ищейкой и допрашивать покойников, выясняя обстоятельства их гибели. Капитан также пропал из вида, хотя мы иногда пересекались на улице с его молодым помощником Николаем. Тот по-прежнему при виде меня радовался, интересовался делами и жалел, что сам такого не умеет.

ПОРУЧЕНИЕ С ТОГО СВЕТА

Слово «Дорого!» начало, наконец, работать на нас. Несмотря на небольшое количество клиентов, денежный ручеек не ослабевал. При этом работы стало на порядок меньше, появилось время для себя, мы почувствовали, что такое богатая жизнь.

С самого начала нашего предприятия договорились, существенную часть дохода тратить на благотворительность. Что ни говори, а дар пришёл не сам собой, по какой-то причине я был избран, чтобы нести людям покой. Не ямы копаю, не деревья валю, просто соединяю два мира, получая за это большие деньги. Был бы шарлатаном, спал бы спокойно, а тут совесть встаёт в полный рост – можешь помочь людям, помогай.

Хорошо, что у Светки масса подружек, завязанных в социальной сфере. Найти среди них одну, доподлинно знающую, куда применить свалившиеся с неба деньги, не составило труда. Наталья сразу расписала список первоочередников, второй круг и кому что перепадёт. Каждый месяц деньги под её руководством перетекали на счета детских домов, больниц, школ, чтобы спасти самое дорогое, что есть в нашей жизни – здоровье, образование, да и просто счастье детей.

Главным условием, которое было жёстко выставлено Наталье – анонимность и отчётность. Нечего делать из благотворительности рекламу, но деньги требуют учёта. Не сказать чтобы мы не доверяли Светкиной подруге – человек она с чистой душой, – но нужно точно знать, работают деньги в правильном направлении или просто тратятся директорами детских учреждений на свои нужды.

Однажды ночью, уснув после возвращения из дорогого ресторана и утомившись в любовных играх, я впервые за много недель вновь увидел навязчивый сон. С той поры, как началось моё активное сотрудничество с миром иным, сны прекратились, словно кто-то по доброй воле дал мне возможность полноценно отдыхать после дневных трудов. И тут снова! Плотная толпа жаждущих встречи смотрела на меня не то чтобы неодобрительно, но с явным недовольством, как на нерадивого хозяина, совершенно забросившего собственное стадо.

Сквозь толпу кто-то, подобно ледоколу, стремительно прорывался в первый ряд, толкаясь, пихаясь, а порой и просто отбрасывая со своего пути любое препятствие. Наконец, он вынырнул у барьера – ну и рожа, таким лицом детей пугать, а этот в дорогом костюме, с золотыми часами, совершенно уверенный в собственном великолепии и превосходстве.

Отряхнув полы пиджака и поправив дорогой галстук, он требовательным движением пальцев буквально приказал мне – иди сюда! Не подходите, пожалуйста, не будете ли вы столь любезны, не соблаговолите ли, сударь, а подь сюды, парень! Единственно ради любопытства, понимая, что он мне ничего не может сделать, я согласился поговорить с ним и протянул руку.

– Это, малец, с утречка мотанись в городскую управу, звякни там Лопуху, в смысле Лопухову Степану Самуиловичу, чтобы зайчиком бежал к тебе. Мне с ним кое-что перетереть нужно. Телефон запиши, да скажи, что Меняйло звонил... в смысле, блин, позвал. И это, без него не приходи, понял?

– Слышь ты, Меняйло, а не хочешь пойти пешим эротическим маршрутом? – я откровенно разозлился от такого неприкрытого хамства. – Помер, значит, все твои дела закончились, понятно выражаюсь? – я попытался высвободить руку, но Меняйло явно не собирался со мной расставаться.

– Слышь ты, хрен с горы, не сможешь, так я через другого человечка до Лопуха достучусь. Думаешь, ты один такой что ли? Войны хочешь, падла? Будет тебе война! Думаешь, помер мэр, так он уже пыль под ногами?

Блин, точно, как я забыл эту фамилию, которая в последние несколько месяцев не слезала с первых полос местных газет. Мэр нашего города, Меняйло Игорь Иванович, обвинён-

ный в коррупции, краже бюджетных средств, организации преступного сообщества и даже в заказных убийствах. Был убит киллером прямо возле здания мэрии совсем недавно. И недели не прошло. Нового мэра пока не выбрали, кто-то временно исполняет его обязанности.

Конечно, я представлял, как могут общаться представители этого мира с простым народом, но, чтобы именно так, как-то не верилось. Всё-таки власть, должен служить образцом людям, давать пример, показывать, как должны жить и работать чиновники высокого ранга. А тут бандит какой-то в натуральном выражении. Чем больше я знакомлюсь с людьми в ходе своих «разговоров», тем меньше уважения к ним испытываю. Представляю, что думают о людях хирурги и патологоанатомы.

– Слышь, парень, давай без обид, – сменил тактику мэр, – сам понимаешь, не каждый день вот так расстреливают и хоронят. Весь на нервах, а там проблем накопилось. Без меня однозначно не решат или решат плохо. Понимаешь, парень, для города плохо! Мне-то сейчас ничего уже не нужно, это я точно понял – с собой в могилу богатства не унесёшь, а вот за дело обидно. Вытащи мне Лопухова, край как надо! Тебе несложно, а городу польза, – он откровенно давил на мою сознательность, справедливо полагая, что обычный человек не способен отказать другому, если дело касается пользы для людей.

– И что я ему должен сказать, чтобы он мне поверил? – спросил я, памятуя историю с Машей. – Думаете, я вот так позвоню, приглашу его поговорить с убиенным начальником, и он сразу прибежит на всё готовый? Нужен ключ, то, что знаете только вы и он, чтобы он мне поверил и согласился.

Мэр явно озадачился. В его планы не входило делиться со мной какой бы то ни было информацией, а тут вынь и положь малознакомому человеку практически компромат. Меня несколько смущало, что он даже не удосужился озаботиться при этом, как они со своим поделщиком будут разговаривать о сокровенном в моём присутствии. Мало мне Седого, теперь ещё мэр на голову свалился. И что интересно, по сути и тот и другой бандиты, один вынужден прятаться, другой всегда на виду, но оба грабят народ.

– Назовёшь ему вот эти цифры, – он продиктовал числовую последовательность, – он сразу поймёт. И телефон запиши, всё равно тебя к нему не пустят, а по этому телефону он всегда отзывается, потому что его знаю только я и его любовница.

Проснулся с дикой головной болью, безо всякого желания работать, а когда обнаружил рядом с кроватью листок с криво нацарапанными цифрами, потерял всяческий интерес к жизни. До последнего надеялся, что ночной кошмар всего лишь сон.

* * *

Звонить никому не стал, просто пошёл на работу и занялся привычным делом, благо, что в этот день клиент шёл косяком. То ли у конкурентов начались проблемы, то ли народ начал умирать толпами, но работы было много. Когда занят делом, забываешь о проблемах, некогда думать, только успевай «соединять абонентов» и обеспечивать «трафик». Как телефонная барышня, блин.

Седой появился неожиданно. Я уже, грешным делом, решил, что он бросил эту затею, поняв, что Клещ никогда не расскажет ему обо всех значках с камушками. В конце концов, существует масса других способов узнать требуемое. Опросить поделщиков Клеща, выяснить, где он бывал, что делал, с кем общался, сузить круг подозреваемых и мест хранения, провести обыски. Но, по всей видимости, у Седого были свои резоны продолжить начатое, тем более, что в это направление уже вложены деньги.

Как и в прошлый раз, он пришёл ближе к вечеру, словно дожидался отсутствия людей.

– Что, Седой, нашёл камушки? – с кривой ухмылкой поинтересовался Клещ. – Видел-видел, что Нинке кинул кусок. За это спасибо! Но свечки в храме Божьем не дождался. Что-то не так? Или ты словам этого пацана поверил? Так это порожняк, он сам в этом ничего

не петрит, так по ушам ездит, лохам сказки рассказывает. Тут всё по-другому, Седой, да скоро сам узнаешь, – он заржал, довольный своей шуткой.

– А рисковать не будем, – без тени улыбки ответил Седой. – Твои слова против его слов, а тебе никогда веры не было. Ты же соврёшь и у попа на исповеди, так ведь? Так что у нас со второй заначкой, Клещ? Время идёт, я всё делаю, как ты сказал, пора вторую заначку вскрывать.

Клещу явно не понравились слова Седого. План у него был, знать бы какой, но читать мысли покойников я пока не научился. Кстати говоря, кроме как Маша, никто другой и моих мыслей прочитывать не мог. Видать, с Машей случай особый вышел или она сама была непростой девочкой.

Что задумал Клещ? Чего он добивается, зачем время тянет? Он же понимает, что Седой в любой момент может его Нинку с мальцом порешить, если не получит желаемого. Тут явно что-то нечисто, Клещ что-то задумал, но для реализации его плана нужно время. И потом он снова сможет воспользоваться заныканными камушками сам? Реинкарнация что ли? Он в это серьёзно верит? Или действительно есть ещё кто-то такой же как я, умеющий не только разговаривать, но и возвращать эти души в наш реальный мир, помещая их в чужое тело? Жуть! Или его развели, как последнего лоха, пообещав это за долю малую от сокровищ?

– Пока свечку не поставишь и молебен не закажешь, никакой второй заначки, – отрезал Клещ. – Был уговор, ты его не выполнил, о чём тогда базар? Пацан сказал, пацан сделал или теперь всё по-другому?

– А ты мне предьявы не кидай, не твой фарт нынче, – не сдавался Седой, – не будет второй заначки, сам знаешь, что дальше. Ты же не дурак, Клещ, какой смысл упираться? Тебе эти камушки уже ни к чему, всё, спёкся, ласты склеил, к чему народ смущать? Мы же можем и проклясть, если что, ты же нас знаешь.

– Да мне ваши проклятья, тьфу – растереть и забыть, – Клещ скривил губу и действительно сплюнул. – Мне и свечки твои по барабану, Седой, но был уговор. Хочешь с Нинкой рассчитаться? Твоё дело, тогда вообще никакого разговора не получится, и сделке кранты. Что у тебя, кроме Нинки и её пацана, есть? Да ничего, Седой! Что ты меня на голый понт берёшь, как лоха на вокзале? Хочешь нормального дела, исполняй уговоры! Будем дальше разговаривать или ты всё понял, Седой?

Клещ явно пёр буром, надеясь, что Седому камни важнее возможности уесть пусть и мёртвого уже Клеща убийством его бабы с мальцом. Тупиковая ситуация – чем можно досадить покойнику? Да ничем, если не знаешь, как тот мир устроен. А как это узнать? Да просто – помирай и узнавай! Блин, надеюсь, что я это не вслух сказал!

– Вот что я тебе скажу, Клещ, гопником ты был, гопником и помер, – не поддался на развод Седой. – Нинка нам твоя не нужна, чисто по понятиям помогли, как-никак вдова нашего покойного товарища. Ты никого не сдал, косяков за тобой особых не было, так что всё по понятиям, брат. Но с камушками это ты зря, палку можно долго гнуть, да только она может и сломаться. Ты это, жди гонца!

Седой ухмыльнулся каким-то своим мыслям и отпустил мою руку. Клещ, недолго думая, тотчас же свинтил. А в моей душе затаился страх – Седой явно думал также, как я. И гонца он пошлёт, и разговаривать с ним мне придётся. Вот только я этого не хочу категорически.

– Деньги возьми, доктор! – Седой протянул пачку пятитысячных купюр, явно рассчитывая меня удивить. – Работа у тебя скоро намечается, ты уж не подведи – дело важное, общество ждёт результатов, не могу я их обмануть, на ножи поставят. Такой вот расклад, доктор! Меня на ножи и того, кто не помог тоже, – он с улыбкой смотрел мне в глаза, явно довольный результатом. – Деньги-то спрячь, ни к чему им светиться, деньги любят тишину и темноту, почти как покойники.

После его ухода я никак не мог взять себя в руки. Дико хотелось напиться до чёртиков и забыться, хотя, кого я обманываю? Ну, забудусь на один вечер, от этого Седой и его планы никуда не денутся. А может закрыть лавочку и сказать, что потерял способности? Думаешь, Седой поверит? Ага, сперва пришьёт, потом поверит. Тоска! Засада!

* * *

На следующий день, едва начался приём, позвонили из мэрии и любезно пригласили на встречу с исполняющим обязанности мэра по вопросу подготовки к празднованию дня Победы.

– Извините, не понял, а я тут с какой стати? – звонок меня не то, чтобы удивил, но насторожил.

Меняйло успел как-то пробиться к своим подельникам или это случайность, никак не связанная со вчерашним ночным разговором?

– Вам объяснят при встрече, – уже гораздо суше ответил женский голос. – Вас ждут сегодня в четырнадцать часов! – информация звучала, как приказ, подлежащий неукоснительному исполнению. – Просьба не опаздывать, у Степана Самуиловича плотный график.

Голос не стал ждать моего ответа, по всей видимости, там, откуда звонили, привыкли к беспрекословному подчинению. Кстати, а Степан Самуилович не Лопухов ли? Интересное совпадение! И что меня там ждёт?

На какое-то время мысли о предстоящей встрече отошли на второй план, потому что в кабинет ввалилась толпа гопников, которую Светлана при всём желании не смогла бы остановить, а охрана явно не решилась им перечить.

– Чо, в натуре, можешь бакланить с мертвяками, пацан? – главный тотчас же развалился в кресле для клиентов, закурил и осмотрелся, выпуская дым в потолок. – Прикольно у тебя тут, – оценил он увиденное. – Нам бы с корешом перетереть за жизнь, сделаешь? Да ты не бойсь, мы нормальных пацанов не трогаем, – он с ухмылкой на лице оглядел свою кампанию, которая с готовностью заржала, поддерживая приколы главаря. – Если с нами по-хорошему и мы шоколадные, усёк, пацан? Чо молчишь, немой что ли?

Есть же охрана, можно вызвать полицию, но по-прежнему, как и раньше тело охватило противное оцепенение, как у кролика перед удавом. Не в тёмной подворотне, не в глухом тупике, в собственном офисе я сидел и отчаянно боялся за свою жизнь, хотя ничего страшного ей пока не угрожало.

– Здесь не курят, – слегка справившись с волнением, предупредил я и демонстративно открыл форточку. – Плохо сказывается на результате, может вообще ничего не получиться.

Слова звучали всё более уверенно и жёстко, сказывались многочисленные сеансы, да и занятия в тренажёрке придавали сил не только в физическом плане.

– Понял-понял, – гопник подскочил, суетливо огляделся в поисках пепельницы, но не найдя ничего подходящего, ткнул бычок в землю фикуса. – Нам результат нужен, без базара, пацан! Как скажешь!

– И в кабинете может находиться только один из вас, остальные в коридор, а лучше на улицу, чтобы клиентов не распугать, – я говорил строго и жёстко, ставя ультиматум.

Храбрости мне, как ни странно, придавал белый халат, фонендоскоп и слово «доктор», к которому я за это короткое время успел привыкнуть, считая себя настоящим доктором человеческих душ.

Гомоня и матерясь вполголоса, гопники вывалились из кабинета и, насколько я успел увидеть прежде, чем дверь снова закрылась, потопали действительно на улицу. Видать дело того стоило, раз они подчинялись приказам обычного терпилы, как обычно назывались ими люди, подлежащие наезду.

– Что нужно? Коротко и точно, моё время стоит денег, которые вы, как я понял, платить не собираетесь. Поэтому решаем вопрос быстро, и я продолжаю работу – там сидят люди, которые мне готовы заплатить, в отличие от вас.

Меня откровенно несло, я чувствовал небывалый драйв, раздражение накачивало адреналином, заставляя действовать и говорить резко, решительно, не опасаясь никого и ничего. Но на главаря гопников это, как ни странно, не подействовало.

– Так я, пацан, по этому вопросу как раз и пришёл, – он улыбался широко, чувствовал себя хорошо и привычно. – Делиться нужно, пацан! Ты работаешь на моей земле, а я с этого ничего не имею. Обидно, сам понимаешь! Ты деньги гребёшь лопатой, а пацанам выпить не на что, хавчик купить не могут, без курева сидят – это ж не по-пацански, да? Цены твои я знаю, очередь твою вижу, цифры складывать умею. Значит, секи сюда – в конце дня будет прибегать мой засланец, ты ему долю малую в кулёчке будешь отдавать. Всего за десять процентов мы решаем все твои проблемы, пацан, заживёшь, как у Христа за пазухой. По рукам?

Что-то произошло в душе в этот момент, что-то хрустнуло и поломалось, под давлением страшной обиды – я несу людям добро, трачу себя, свою жизненную силу, здоровье, чтобы помочь им справиться с утратой, а тут приходят какие-то непонятные личности и лезут в чистый храм грязными лапами.

– Братуха, да ты не дрейфь, все будем в шоколаде, – неправильно истолковал выражение моего лица гопник и схватил меня за руку, стремясь закрепить соглашение.

Обычно в момент соединения двух миров меня поражает высоковольтный разряд тока, а тут огромной силы заряд впился в гопника, заставив его выгнуться дугой. Я не заметил, как совершенно произвольно нырнул рукой за барьер, войдя в соприкосновение с иным миром. При этом я никого конкретно не зацепил, но моя рука черпала энергию из барьера, щедро вливая её в виде электрического разряда в тело врага.

Да, именно врага, это враг всего того, что для меня было и будет свято всегда. Враг будет разбит, победа будет за нами! А вот так не хочешь, сволочь? Десять процентов? А хочешь, врублю все сто? А помнишь, сколько раз твоя компания унижала меня по дороге с работы? За всё получишь, сволочь!

Если бы не Светка, я бы его точно убил – у меня сорвало не только тормоза, но и крышу. Какая-то звериная жестокость не давала остановиться, заставляла бить ещё и ещё электрическими разрядами по врагу, превращая его в бессловесную, тупо скулящую о пощаде, биомассу.

– Миша, отпусти его, – кричала Светка, отталкивая гопника ногами, а меня оттаскивая в другую сторону. – Ты же его убьёшь! Отпусти ради всего святого, Миша!

Он уползал, мелко трясясь всем телом, жалко поскуливая и подволакивая ногу. Из его поидиотски приоткрытого рта стекала струйкой слюна, но он этого не замечал, спеша как можно быстрее покинуть кабинет.

– Выпей вот это, быстро и до дна, – приказала Светка, что-то налив в стаканчик. – Тебе нужно успокоиться, я отменю приём, мы поедem домой, и ты ляжешь спать!

Светку явно напугало произошедшее, но выше всякого испуга в её голосе звучала забота обо мне, желание защитить меня от всех опасностей, спрятать в безопасном месте. Выпитое мне явно помогло. Судя по запаху – обычная валерьянка, но в ударной дозе, как раз то, что сейчас и нужно. Нервишки ни к чёрту, а ведь всего двадцать пять лет, что будет к тридцати? Умом тронешься, доктор? И что это было сейчас? Как я это сделал?

– Миша, а что это было? – эхом отозвалась Светлана. – Чего он так корчился, словно ты ему на болевую точку нажал?

Я честно признался, что сам ничего не понимаю, нужно подумать, что это всё стресс виноват, был не в себе и, вообще, может быть, больше никогда не повторится. Но мой жалкий лепет её не убедил, хотя приставать с этим вопросом больше не стала, опасаясь повторного срыва.

– Давай сделаем перерыв на полчаса, попьём чайку, посидим в тишине и продолжим работу, – предложил я альтернативный план моего спасения. – Клиенты ведь не виноваты, что такие уроды ходят по свету. К тому же, мне к двум часам нужно в мэрию, приказано явиться, – я улыбнулся как можно более беззаботно, всем своим видом показывая, что опасности миновали, наступил штиль, светит ясное солнце, и птички мило щебечут на ветвях цветущих деревьев.

– Ну-ну, – скептически подытожила Светка мою маленькую мелодраму, – ты хозяин, тебе виднее.

– В смысле хозяин?

– Хозяин своих неприятностей, – пояснила Светлана, явно недовольная моим решением. – Не хочешь отдыхать, твоё дело, но тогда уж давай без таких вот срывов, если можешь, конечно.

Я пожал плечами. Не зная причин, сложно управлять последствиями. Валерьянка начала действовать, но в таком состоянии вести приём я действительно не смог. К радости Светки, согласился отдохнуть тут же в кабинете на диванчике.

* * *

Странное дело, но после драки с гопником я чувствовал себя необычайно хорошо. Точнее говоря, несмотря на то, что само событие оставило в душе чувство гадливости и омерзения, мои ощущения говорили совершенно о другом. Мне было хорошо, кайфово, меня не тошнило и не срывало днище.

Забыл упомянуть, что негативным фактором общения с иным миром, проявившимся спустя несколько дней с начала массовых приёмов, оказалась неадекватная реакция организма. Поначалу этого не было, но по мере нарастания количества клиентов я начал замечать странные вещи – иногда во время сеанса меня начинало подташнивать, в другой раз появлялись резкие позывы на понос. Я терпел, относя это на усталость, но скоро всё выросло до космических масштабов.

Чтобы не компрометировать себя перед клиентами, мы ввели в практику присутствие Светланы на сеансе. Если я вдруг задираю голову, она тотчас прерывала сеанс и уводила клиента прочь из кабинета, давая мне возможность добежать до туалетной комнаты. Казалось, что в организме уже ничего не должно было остаться, но меня выворачивало наизнанку всё чаще и всё болезненнее с каждым сеансом. К концу дня я чувствовал себя не лучше больного раком, проходящего курс химиотерапии, разве что волосы не выпадали.

Принимаемые противорвотные и противодиарейные таблетки лишь временно смягчали реакцию организма. Мы увеличивали паузы между сеансами, чтобы в перерывах я мог восстановить силы. Ввели обязательные длинные перерывы, во время которых я гулял в парке, черпая энергию из природы. Слушал целительные мантры, пытался медитировать, принимал на ночь снотворное, чтобы лучше восстановиться к утру.

Всё это давало временный эффект, уменьшающийся с каждым следующим сеансом. Остро встал вопрос – не пора ли завязывать? Но очередь была расписана на месяц вперёд и многие внесли предоплату. Совесть не позволяла отказать людям, которые настроились на встречу со своими умершими родственниками. А организм был вполне согласен послать всё и всех подальше ради выживания!

И вот сейчас, потратив на какого-то гопника мегатонны внутренней энергии, я чувствовал необычайный прилив сил! Почему? Неужто обычное высвобождение чувств, свободное излияние злости, жажда насилия могут дать столько энергии измотанному организму? Может быть, мне пора завести в кабинете резиновый тренажёр в форме человека для того, чтобы дубасить его в паузах между сеансами, вымещая накопившееся раздражение?

Психологи говорят, что причина большинства наших недугов – невозможность сброса негативных эмоций. День за днём мы копим в себе раздражение, недовольство, обиды, не имея возможности или опасаясь их высказать. И они начинают грызть нас изнутри, порождая подобные реакции организма. Но какие обиды у меня могли быть к обычным людям, заплатившим большие деньги за десятиминутный сеанс? Никаких! Тогда откуда такая реакция? И почему сейчас мне хорошо?

Восстановив шаг за шагом всё, что происходило в кабинете, и прогнав это на несколько раз, я вспомнил тот самый момент, ускользнувший от меня при первых попытках анализа – барьер! Я не просто так запустил руку в барьер, в этот момент я ни с кем за барьером не контактировал, моей целью был сам барьер, а точнее, та энергия, которая в нём находилась.

Не знаю, кто или что подсказали мне эту возможность, но я снова, лёжа на диванчике, запустил руку в барьер, чувствуя, как потоки живительной энергии наполняют каждую клеточку организма, изгоняя прежнее состояние душевной и физической депрессии. Зарядившись от барьера, я чувствовал себя готовым на полёт к Луне и обратно даже без помощи космических кораблей! Боже, что это за волшебная субстанция? С одной стороны, она отделяет наши миры непроницаемой стеной, с другой – даёт безграничную энергию тому, кто с ней работает! И почему мне никто не сказал об этом раньше?

* * *

В приёмную мэра я вошёл за пять минут до назначенного времени. По всей видимости, меня ждали, потому что секретарша тотчас же сняла трубку, что-то сообщила, что-то услышала и, положив трубку на аппарат, устремилась мне навстречу.

– Михаил Григорьевич? – любезно улыбаясь, нежно проворковала секретарша. – Вас ждут, прошу, проходите в кабинет Степана Самуиловича.

Ожидающие приёма смотрели на меня с явной неприязнью, они сидели тут давно, а я вхожу без очереди, словно лучший друг мэра. Мне бы их проблемы, – вздохнул я, проходя мимо, как через палочный строй. Ещё совсем недавно я бы упёрся и ни за что не вошёл без очереди, но сейчас меня это совершенно не волновало.

– Михаил Григорьевич, дорогой вы наш! Рад, что почтили визитом, – невысокого роста бодрый крепыш в идеально отглаженном костюме спешил мне навстречу, встав для этого из роскошного кресла мэра. – Наслышаны о вас, слухом земля полнится, – одной рукой он пожимал мою руку, а другой похлопывал по плечу, словно собираясь вколотить в дубовый паркет.

Интересно, это такой модный тренд украшать кабинеты руководителей книжными шкафами, заполненными книгами по принципам ландшафтного дизайна – цвет к цвету, корешок к корешку, и явно их не касалась рука человека. А эти столы? Уверен, что инкрустация из чистого золота, судя по крутизне отделки и полировки. Им бы в кабинете царя стоять, а не у чиновника средней руки, но поди ж ты – великие мысли рождаются исключительно за сверхдорогими столами.

– Чай, кофе или чего-нибудь покрепче? – любезно поинтересовался Степан Самуилович, предусмотрительно не отпуская секретаршу.

– Спасибо, не надо, – в этом кабинете я чувствовал себя скованно и неловко, не хватало ещё опрокинуть чашку или подавиться чаем. – Если можно, сразу о деле, – попросил я, надеясь удрать из опасного места поскорее.

– Вот, Людочка, наш человек – дело превыше всего! Свободна! – движением руки, словно выметая сор из избы, он указал секретарше на дверь.

Некоторое время мы поиграли в гляделки, пытаясь победить в соревновании, кто шире и благожелательнее улыбнётся. Признаюсь честно, тут я проиграл сразу – так улыбаться у меня

не получится никогда, да и мои зубы вряд ли можно показывать все и сразу, стоматолог зарыдал бы, увидев их.

– Михаил Григорьевич, сразу к делу, как вы и просили. Скоро праздник и мы решили сделать нашим ветеранам небольшой подарок. Не всем, это выходит за рамки выделенного бюджета, но ежегодно в торжественном зале мэрии мы собираем ветеранов, которых награждаем чем-нибудь, и вручаем подарки. Это естественно, ведь эти люди не жалея жизни и здоровья, ковали победу на фронте и в тылу, – бодренько вещал исполняющий обязанности мэра, стараясь увлечь меня зажигательным вступлением.

Но я никак не мог забыть ночного обещания бывшего мэра, устроить мне весёлую жизнь и смешать с грязью. Ну, давай, мысленно подначивал я Лопухова, начинай избивание младенца!

– Так вот о подарках, – мэр перешёл к деловой части беседы, – мы решили дать им возможность пообщаться, если так можно выразиться, с их ушедшими в мир иной товарищами, чтобы как-то поддержать наших ветеранов. Мы материалисты, но верим, что в мире есть много необъяснимого. К тому же есть отзывы проверенных товарищей о вашей работе. Вот мы и решили, так сказать, таким образом, от лица администрации города отблагодарить наших ветеранов. Как вам, Михаил Григорьевич, наша идея?

– Извините, Степан Самуилович, не совсем понял, как стыкуются два понятия – администрация решила, а я работаю? В чём заключается ваш подарок? Или это что-то вроде субботника? Вы же знаете, моё время стоит денег, причём денег немалых.

– Михаил Григорьевич, всё знаем, всё учтено, смета согласована, деньги выделены. Мы же с пониманием, каждая работа должна быть оплачена по достоинству. Пятьсот рублей с человека, всего триста пятьдесят человек, итого сто семьдесят пять тысяч рублей за одно выступление. Согласитесь, Михаил Григорьевич, хорошие деньги!

Он меня за дурака принимает или за полного идиота? Вопрос не в деньгах, ради этих людей я и бесплатно поработаю. Но это же больше суток непрерывной работы! Они как себе это представляют? Старики и старушки будут по десять часов ждать своей очереди?

– Вам нужно будет всего лишь выйти на сцену, что-то там, как вы умеете, покашпировать, старички чего-то там увидят, с кем-то там поговорят в своё удовольствие и по домам. Как вам идея, Михаил Григорьевич?

– Извините, я так не работаю, – нужно отказываться и чем скорее, тем лучше, – у меня индивидуальный метод. Я работаю с каждым клиентом строго индивидуально! Это даже не обсуждается. И я не умею, как вы выразились, кашпировать – это не по адресу! Вы понимаете, что всё это глупость? – в запале произнёс я, поздно осознав, что ляпнул явно лишнее.

Они тут, затейники от бюджета, что-то придумали, уже как-то попилили суммы, пообещав мне малую часть того, что фактически уйдёт на мероприятие, а точнее в их карманы, а я нагло так заявляю, что всё это глупость! Ну не гад ли я после этого?

– Молодой человек, выбирайте выражения, вы не дома на кухне, не с женой разговариваете, – побагровев от возмущения, взорвался Лопухов. – Сказано покашпировать, значит, будешь кашпировать, сосунок! Тебе со всем уважением подкат сделали, прогнулись перед тобой, уважаемые люди прогнулись, а ты... ты... да я тебя...

Сейчас взорвётся, а кому ошмётки со стен собирать, – подумал я и выпалил в страдальца последовательностью цифр, которую, как оказалось, запомнил насмерть.

Степан Самуилович словно подавился, замолчал, не в силах сказать ни слова и смотрел на меня, выпучив глаза, как на ожившего покойника. Пауза затянулась, нужно было спасать ситуацию, пока этого недомэра удар не хватил на рабочем месте.

– Игорь Иванович передаёт вам привет и хотел бы переговорить по важному делу, – негромко, боясь спугнуть установившуюся тишину, произнёс я со значением.

– Игорь... Иванович? – не сразу выговорил чиновник ещё совсем недавно столь привычные для него имя и отчество непосредственного начальника.

– Игорь Иванович, – подтвердил я. – Лично и сугубо, – мне зачем-то захотелось схохмить, но шутка до цели не дошла, будучи воспринятой в буквальном смысле.

– И как же нам переговорить? Он же там, – Лопухов ткнул пальцем в потолок, – а мы здесь. Он предлагает мне тоже... того?

– Вы, вообще, знаете принципы моей работы? – возмутился я. – Приглашаете, говорите, что всё изучили, а сами глупости всякие городите! Я вас просто соединю, как два телефона и всё – говорите себе, сколько влезет, но тарификация поминутная. А деньги ветеранам так отдайте, и не по пятьсот рублей – это же насмешка над теми, кто за вас жизнь отдавал. Вот прямо сейчас при мне подпишите распоряжение об установлении справедливой суммы подарка для каждого ветерана ко дню Победы и разговаривайте со своим бывшим начальником сколько угодно! Или я пошёл?

– Сидите-сидите, куда же вы? А сколько же это справедливое будет в цифрах? Тысячу рублей, две тысячи?! – в его голосе звучало неподдельное недоверие к им же названной сумме.

– Мелко плаваετε! В размере ежемесячного вознаграждения мэра этого города, к при-
меру.

– С ума сошли? Представляете, сколько получает мэр? А помножить это на всех стариков, которым пора на кладбище? Куда им такие деньги, побойтесь бога!

– Вот они, эти старики, когда-то воевали, под пулями в бой шли, на танки с гранатами бросались, спали в замороженных окопах, были ранены и не раз, а сегодня вы их подвиг оценили в пятьсот рублей. А что такого героического сделал мэр, получающий столь высокий оклад? Ну, назовите, хоть что-то! Ничего, кроме распила бюджета и всего того, что ему вменили наши СМИ. Надо делиться, Степан Самуилович, иначе никак, в смысле не будет вам никакой душевной беседы с Игорем Ивановичем.

Меня откровенно злили подобные люди, на словах радеющие за народ, а на деле обирающие его всеми возможными способами. Была бы их воля, этих ветеранов давно бы похоронили всех разом, чтобы не маячили немым укором перед окнами их кабинетов, загородных домов и роскошных автомобилей. Ещё и подарки им делай, пенсии плати, о здоровье заботься хотя бы для виду, а где деньги взять, если всё давно украдено на семь кругов? От таких мразей, хоть шерсти клок и то будет прок, реальная польза для стариков.

– Хорошо, твоя взяла, парень, но давай без этого шапкозакидательства и робингудства – городской бюджет не резиновый. Скажем, по двадцать пять тысяч в виде единовременного пособия! По рукам?

Вспомнив, чем это «по рукам» закончилось для гопника, я предпочёл кивнуть головой, но потребовал немедленно напечатать соответствующее распоряжение и завизировать его личной подписью Лопухова. После того, как всё необходимое было сделано, предложил ему закрыть кабинет и перейти в комнату отдыха, чтобы в приватной обстановке начать разговор. Тем более что Игорь Иванович уже в буквальном смысле этого слова землю копытом рыл, требуя немедленно включить канал связи.

– Какого хрена ты пошёл на поводу у этого оболтуса? – обрушился он на своего зама, как только я соединил их. – Богатым стал, из своего кармана заплатишь? Завтра они вдвое попросят, опять будешь платить?

Меняйло предусмотрительно вцепился в мою руку мёртвой хваткой, справедливо полагая, что мне не понравится то, что он будет говорить.

– Игорь Иванович, вы же сами ему пароль сказали, что я должен был делать, если это ваше доверенное лицо? – взмолился Лопухов, побелев от ужаса.

Что не говори, но общение с покойниками для нормального человека – большой стресс. Сколько раз всё это наблюдал, столько раз удивлялся. Ведь знают, куда и зачем идут, а каждый раз впадают в ступор, словно и не верили в реальность того, за что деньги платили. Привыкли к шарлатанам и чревоуещанию, надеялись, что будет небольшое цирковое представление за их

деньги, хотели свою душеньку успокоить, что покойный против них ничего за душой не держит, а тут бац и прямой разговор с тем самым покойником от первого лица, так сказать.

– Пароль ему сказали, он и поплыл сразу, – не унимался Меняйло, – ты за базаром следи, а не за паролем! Вот скажи, дурень, я бы стал так деньгами раскидываться попусту? Нет! И ты думаешь, что моё доверенное лицо, моё настоящее доверенное лицо стало бы так делать? Да ты глупее, чем я о тебе думал, Лопух!

– Так, граждане, будете препираться и меня оскорблять, прерву беседу на самом интересном месте, – меня так и подмывало проверить в действии трюк с электрическим ударом. Тем более что и кандидатура подходящая, хотя последствия могут быть печальными как для него, так и для меня.

– А ты бы, вообще, заткнулся и уши закрыл, пока мы о делах разговариваем. Тебе это знать не нужно, понятно сказано?

Без лишних слов я отпустил руку Лопухова, прервав их милую беседу.

– Ты... ты чего делаешь? Ты зачем связь прервал? Да я тебя... ты у меня...

Он ещё минут пять разорялся, обещая обрушить на мою голову все кары господни и чиновничьи, но я молчал, пропуская сказанное мимо ушей. Собака лает, караван идёт, а счётчик тикает, как в такси – клиент может никуда не ехать, но сел в машину, плати за всё потраченное на тебя время.

– Ладно, – сдался Меняйло, – твоя взяла, беру свои слова обратно. Извини, был неправ. Продолжим разговор?

Также молча я взял его зама за руку. За двадцать пять минут разговора я столько узнал о грязной подноготной реальной жизни мэрии, что стал всерьёз опасаться за свою жизнь. С такими секретами или дружат до гроба, или гроб выходит сразу, как покинешь этот гостеприимный кабинет. Что-то мне стало везти на обещания убить меня за чужие тайны.

Как-то иначе я представлял себе, да и Светлана рисовала совсем иной образ спасителя человечества. Может быть, она была права, настаивая на словах в объявлении «по приемлемой цене». Чем дороже клиенты, тем опаснее их тайны. Чем могут грозить маленькие тайны простого человека? Да ничем! Это жизнь! А вот там, где большие деньги, жизнью не пахнет – в большинстве своём там пахнет разложением и смертью.

Из мэрии я вышел, победив в схватке за достоинство ветеранов, но с ещё меньшей верой в человека разумного. И ведь эти люди говорят о боге, носят напоказ кресты на шее, регулярно посещают церковь и даже чего-то там бормочут под нос, словно молятся. А на самом деле сводят дебет с кредитом, кто кому и сколько должен.

Нужно с этим срочно что-то делать, но киллеров на всех не хватит, тут нужен особый дар, которым я пока не обладаю. Они ведь даже не скрывают того, что делают со всеми нами. Грабят в открытую, распродают всеобщее достояние по дешёвке, лишь бы себе в карман получить ещё денежек. Когда же вы насытитесь, когда же вы лопнете от жадности? Видать никогда, так как не было пока ни одного примера подобного.

ГОНЦЫ ДЬЯВОЛА

Погружённый в мрачные размышления, я едва не упал в открытый колодец. Чья-то рука успела остановить меня, жёстко схватив за плечо. Не очень понимая, что происходит, я обернулся в раздражении, готовый отmaterить человека, спасшего мне жизнь.

– Вот это история, – радостно улыбаясь, на меня смотрел капитан Удальцов. – Как раз к вам направлялся, а тут вы собственной персоной. Кстати, вы бы в стороночку отошли, а то в колодец свалитесь!

Я вздрогнул, осознав, что лишь полшага отделяют меня от тёмной пасти канализационного коллектора, свалившись в который, можно умереть не только от ушибов и переломов, но и от адских миазмов. Пока я переживал по поводу возможных передрыг в жизни, капитан успел позвать какого-то таджика и приказал ему охранять колодец, пока не придут коммунальщики.

– Михаил Григорьевич, не буду отнимать вашего времени, давайте поговорим по дороге, раз уж вы идёте пешком.

Я не стал отказывать капитану, тем более что он только что спас меня. Выслушать его – естественная форма благодарности.

– Тут такое дело, не знаю даже как бы вам об этом сказать, да и вы совершенно справедливо можете мне отказать – это ваше право. Но тут без вас никак.

– Опять дети пропали? – обеспокоился я, готовый ринуться на помощь немедленно.

– Нет-нет, с детьми всё в порядке, это совершенно другая история. История странная, неприятная, но с вашей помощью, надеюсь, мы в ней разберёмся.

– А в чём дело-то?

– Понимаете, сегодня утром ко мне привели человека. Мелкий воришка, по кличке Сивый, балуется наркотиками, гоп-стопом не брезгует и с нашим братом полицейским никоим образом общаться не хочет. На путь исправления такие обычно не встают, радуясь свободе в небольших перерывах между отсидками. И тут сам, по собственной воле прибежал сдаваться, просит спрятать его в камере одиночке.

– И я каким боком в этой истории замешан, Леонид Петрович?

– Пока никаким, Михаил Григорьевич, дальше будет более интересно. Он рассказал мне, а я всё записал в протокол, что вчера вечером некто Седой предложил ему сделку – он получает большую сумму, которую может в течение недели потратить по своему желанию. Причём сумма, скажу я вам, действительно большая, от таких денег мало кто сможет отказаться. А через неделю его должны убить.

– Ужасная история, прямо триллер какой-то, но всё равно не вижу интереса для себя лично, – с трудом изобразив искреннее недоумение, признался я.

Упоминание Седого, а также обещание скорой смерти Сивого, мне сказали многое. По всей видимости, это тот самый гонец, которого Седой должен был отправить в мир иной с особым поручением. И о поручении нетрудно догадаться – ему нужны точные сведения о том, чем можно зацепить Клеща за живое.

– Видите ли, Михаил Григорьевич, его не просто так должны были убить, – поспешил подтвердить мои догадки капитан, – а с его помощью добраться до другого персонажа, о котором наш Сивый пока ничего не знает, но он совершенно точно уже в мире ином. И вот тут самое интересное – они планируют после смерти Сивого с ним общаться. И я подумал, а кто им в этом поможет?

– Постойте, в городе два десятка салонов оказывают точно такую же услугу. Ваш Седой может пойти в любой из них, почему вы ко мне обратились?

– Михаил Григорьевич, вы единственный, кто реально делает то, о чём говорит. Поверьте мне на слово, я лично обошёл все эти салоны и попросил их дать мне поговорить с моей умершей бабушкой Агафьей. И знаете, что произошло?

– У них ничего не получилось?

– Отнюдь, – капитан улыбнулся, – всё получилось. Я поговорил со своей бабушкой Агафьей двадцатью разными способами, но знаете, в чём прикол?

– В чём?

– У меня нет никакой бабушки Агафьи, ни живой, ни мёртвой. Понимаете, куда я клоню? Это шарлатаны, обычные шарлатаны, получающие деньги за обман граждан. Думаете, Седой не проверил их так же, как я? Поэтому только вы или ещё кто-то, кого мы пока не знаем, кто не афиширует своих способностей, интересен Седому, – рассуждал капитан вслух.

Последнее предположение дало мне надежду выкрутиться, хотя грядущая встреча с Седым не радовала. Если бы в городе был ещё один такой же, как я, мы бы обязательно пересеклись – городок небольшой, слухи распространяются быстро, давно бы уже кто-то поговорился, что у другого цены ниже или выше. Нет никакого другого, Седой придёт ко мне. И капитан придёт.

– Я ведь вас, Михаил Григорьевич, предупредить хотел – будьте осторожны с этим Седым. Личность в городе известная, ходит в авторитетах, ему человека убить, как вам в кино сходить. В просьбах ему не отказывайте, делайте всё, что скажет, но потом, пожалуйста, не считите за труд позвонить мне. Очень надеюсь, нам удастся вас защитить и Седого прижать.

– Но вы же взяли его человека, чего мне теперь опасаться?

– Седой не отступится от своего. Не этот, так другой кандидат всегда найдётся. Мало ли народу по тёмным подворотням, да блат-хатам ошивается? Он обязательно придёт, а вот зачем – это нам шибко любопытно. Он ведь по мелочам не разменивается, к тому же специально для этого человека убьёт. По всему виду, дело чрезвычайно важное для него и безотлагательное, какая-то тайна на тот свет ушла, и он её хочет вытащить.

Нет, я кино смотрю и детективы читаю, но всегда относился с некоторым пренебрежением и недоверием к сценам, где бравый следок с ходу даёт полный расклад по самому преступлению и его участникам, едва ознакомившись с уликами. А тут в прямом эфире человек, ещё вчера твёрдо убеждённый, что того света не существует, раскручивает дело с перспективой его проработки именно там. Умереть не встать! Дожились! Так и до сумеречного патруля недалеко!

Я достаточно твёрдым тоном пообещал обязательно связаться с капитаном, как только Седой выйдет на меня со специфической просьбой. На том мы и распрощались. Муки совести царапали душу противными кошками, ведь я совершенно точно знал, что именно задумал Седой и ради чего он это затеял. Но будет ли лучше для меня и Светланы, если обо всём этом узнает наша доблестная полиция?

* * *

Задумавшись о мрачном будущем, я совершенно автоматически шагал в сторону офиса, радуясь, что есть возможность подумать над вариантами развития событий и способах выхода из них. Хотя, какие тут выходы? Куда ни кинь, всюду клин – нужно выбирать меньшее из зол, чтобы появилось время на более качественное решение всех проблем. Какое? Да, улететь к чёрту куда-нибудь на Таити! Или ещё куда подальше от наших родных бандитских пенатов. Потому что здесь нас точно прикончат раньше или позже. Вариантов нет.

Обстоятельства складываются таким образом, что каждый день приближает нас к неизбежной развязке. Меня совершенно точно – я непосредственный участник всех событий и разговоров. Светлану вместе со мной, потому что всем известно – между мужем и женой секретов быть не может. Пусть мы ещё официально не расписаны, но кого это волнует. Чем меньше

народу знает правду, тем спокойнее живётся владельцам секретов. Я даже не уверен, кто первый начнёт от меня избавляться – Седой или Лопухов?

Пискнул телефон, я остановился прочитать SMS, и это спасло мне жизнь. Прямо перед моим носом пролетел кирпич и разбился вдребезги у ног, больно ударив осколками. Если бы не SMS, удар пришёлся бы точно по кумполу, и результат оказался бы на радость великолепным, если отчитываться перед заказчиком.

Инстинктивно отпрыгнув к стене здания, я осторожно посмотрел вверх, надеясь увидеть ловкача, сбросившего кирпич. На крыше никто не маячил. Одно из двух – смылся или случайность. Хотелось бы надеяться на второе, ведь ни Седой, ни Лопухов с Меняйлой пока не достигли желаемого. Для них я единственная ниточка, ведущая в тот мир. Или не единственная? Ведь Клещ на что-то надеется!

Переведя дух, я побежал дальше, стараясь держаться поближе к зданию – так сложнее будет в меня попасть. Я не параноик, но если тебя хотят убить, это ужасно нервирует. Где-то я эту фразу уже слышал, и тогда, помнится, она показалась смешной, а сейчас мне точно не до смеха.

Посвящать Светлану во всё, случившееся в мэрии, а тем более о разговоре с капитаном не стал. Ни к чему нервировать попусту, тем более что общую тактику и стратегию мы уже совместно выработали. Буду следовать намеченному курсу и будь, что будет, авось кривая вывезет.

* * *

Перед кабинетом было непривычно пусто. Одиноким посетитель проводил меня изучающим взглядом, не сделав попыток обратиться ко мне или пройти в кабинет.

– Что в мэрии? – дежурно поинтересовалась Светка, копаясь от безделья в Одноклассниках.

– Что там может быть интересного? Хотят за наш счёт осчастливить всех страждущих, – деланно равнодушно отмахнулся я. – Что там за кадр сидит в коридоре? Клиент или просто заблудился?

– Тебя спрашивал, но не записался, сказал, что дождётся.

– Странный какой-то, тебе не показалось?

– Ну, есть немного, – согласилась Светка, не отрывая взгляда от экрана. – Теперь в таких шляпах уже никто не ходит, не модно.

– При чём тут шляпы? Ты можешь вынырнуть из своего интернета? Он давно там сидит? – видимо, в моём голосе звучало нехарактерное раздражение, потому что Светка тотчас повернулась всем телом и впиалась в меня взглядом.

– Опять поругался? А можно было вежливо отказаться? Нет? Ну, тогда нечего срывать свою злость на мне, не муж, между прочим, – уколола она. – Замуж возьмёшь, тогда хоть бей, а пока мы партнёры... по бизнесу, – уточнила Светка. – Тебя какая муха укусила? Сидит себе и сидит, может, он стесняется?

В этот момент в дверь кабинета постучали.

– Войдите, – хором крикнули мы и укоризненно посмотрели друг на друга.

В кабинет вошёл тот самый парень, что ожидал меня в коридоре.

– Здравствуйте! Принимаете сегодня, Михаил Григорьевич?

– Принимаю, конечно, – без особой теплоты в голосе ответил я. – Заполните карту посетителя и проходите в мой кабинет. Цены вы знаете?

– Да-да, я в курсе, а можно без карты? Нет? Не вопрос, сейчас заполню, – он сел за стол к Светлане, а я вошёл в свой кабинет полный смутных подозрений, что это непростой клиент.

Помурывив клиента минут пять, дав мне возможность прийти в себя, Светлана впустила его в мой кабинет.

– Итак, с кем бы вы хотели поговорить?

– С вами, коллега, – без церемоний выпалил гость. – Давно хотел познакомиться, поделиться секретами мастерства, так сказать, да всё времени не было. Ну, вы меня понимаете? Клиентов много, трудно вырваться для простых посиделок, – он улыбался приветливо, но взгляд оставался колючим и испытующим.

Он как радаром меня прощупывал, словно в душу заглядывал, пытаюсь вызнать всё ему необходимое. Страх вползал в душу, мешал думать здраво, мысли путались, ещё немного и я впаду... чёрт, да он же меня зомбирует! Я встряхнулся, закрыл глаза и, глубоко вдохнув, резко выдохнул, не думая, какое это может произвести впечатление на сидящего передо мной гостя.

Неосознанно сунул руку в барьер и тотчас почувствовал, как в меня потекла живительная энергия, разгоняющая холод и страх. Я взбодрился – хочешь драки, будет тебе драка! Сейчас подкоплю энергии и шаракну так, что дорогу сюда забудешь, гад!

– Однако, – искренне восхитился агрессор, словно любясь моими действиями. – Вот так я пока не умею! И как вы этому научились? Медитация, тайные знания, случайно?

– Вам что нужно, уважаемый? – довольно грубо прервал я поток его бестактных вопросов. – Здесь не школа и не клуб по интересам. Хотите получить услугу по прејскуранту? Давайте работать. Нет? Скатертью дорога!

– Послушайте, Михаил Григорьевич, ну, зачем нам ссориться? Неужто клиентов мало на двоих экстрасенсов? Народ мрёт, как мухи по осени, работы нам выше крыши и ещё останется тем шарлатанам, что косят под нас с вами. Я же от чистой души, с чистыми помыслами. Вот я раньше про вас не слышал, и вдруг вы открываете дело, мои клиенты бегут к вам, слухи самые разнообразные по городу ходят, захотелось, знаете ли, чисто познакомиться. Кстати, сегодня клиентов у вас больше не будет. Я там перед входом в здание небольшой отворот повесил, ну, вы знаете – магический ритуал такой. Простенько, но, как ни странно, действительно – раз, и все проходят мимо. Очень помогает, знаете ли, в борьбе с конкурентами.

– Это угроза?

– Да вы что, Михаил Григорьевич, какие угрозы? Я же сказал – мне клиентов хватает, я не жадный. Просто, чтобы не мешали нам общаться. А ваш простой и потерю клиентов я компенсирую. Сколько скажете, столько и заплачу! Лады?

Значит, второй есть. Радоваться этому или печалиться, пока не решил. Но стоит выяснить, что он умеет такого, чего я не умею. Вдруг и в самом деле он хороший мужик? Чему-то у него научусь полезному, может, и ему что-то новенькое расскажу? Что я теряю, в конце концов, от этого разговора?

Вот только какое-то странное ощущение в голове, как-то мутит от всего этого разговора, мысли странные в голову лезут, словно и ненужные, словно бы и не ко времени... стоп, он в моих мозгах ковыряется?

Вся накопленная через барьер энергия вспухла голубым шаром внутри головы, создавая непреодолимый ни для кого барьер, подобный тому, который не пускает души усопших в наш мир.

– Пардон, привычка, не удержался, – посетитель гаденько ухмыльнулся, пытаюсь скрыть разочарование от неудачной попытки прочесть чужие мысли. – Есть, знаете ли, такая при-скорбная страсть, как вижу нового человека, так и хочется узнать, чем он на самом деле дышит, не держит ли против меня что-то, – он нервно потирал руки, облизывал губы, морщился.

И было отчего, ведь я, действуя по наитию, выпустил из созданного барьера колючие иглы в его сторону, вцепился в сознание и сейчас активно отбирал жизненную энергию. Как это получилось, ума не приложу, но я совершенно точно знал, что и как нужно делать и к какому результату это приведёт.

Через пять минут, в течение которых гость всеми силами пытался уйти из-под моего контроля, я знал о нём всё или всё из того, что мне показалось интересным и полезным.

С раннего детства, нахватавшись магических ритуалов от бабки, считавшейся в их деревне ведьмой, он промышлял на первых порах самостоятельной жизни тем же: отворот, приворот, снятие венца безбрачия, снятие порчи, не брезговал и порчей, так как за всё платили деньги, которых постоянно не хватало.

Но на достигнутом не остановился, постоянно пытался искать новые направления и однажды ему открылась способность, похожая на мою – он вышел на контакт с иным миром. Вот только соединять представителей обоих миров напрямую у него не получалось, приходилось выступать в роли телефонистки, передавая вопросы и ответы.

Чтение мыслей было его хобби, тут он не врал, действительно болезненное пристрастие к содержимому чужих мозгов сродни подглядыванию в замочную скважину. Он не стеснялся копаться в мозгах клиентов, пока они беседовали с усопшими родственниками. Без этого он уже не мог, чтение мыслей стало для него наркотиком, ни от чего другого он не получал такого драйва.

Общение с иным миром и его обитателями давали ещё больший прилив адреналина, ведь он искал среди случайных собеседников тех, у кого мог позаимствовать что-то полезное для себя. Любую информацию можно использовать, если уметь её извлекать и анализировать. Душа, потерявшаяся в первые дни после упокоения тела, самый благодарный материал – расскажет всё, что знает, был бы слушатель, а он времени для этого не жалел. Копил кубышку знаний, чтобы превратить её в сундук золота.

И однажды на него вышел Клещ, уже побывавший на первой беседе с Седым. Узнав, какими способностями обладает экстрасенс, Клещ напрямую поинтересовался, сможет ли тот вернуть его обратно в мир живых, пообещав хорошо заплатить за это. Для поддержания интереса сдал Панкрату, так звали моего гостя, самую малую нычку, в которой хранилось всего два камушка. Панкрат наживку заглотнул, дал обещание всё сделать и ринулся искать способ, надеясь быстро освоить, сулящий большие барыши процесс реинкарнации.

Пробные возвращения прошли неудачно – кандидаты на переселение душ попросту сходили с ума, новая душа не могла адаптироваться, а старую в ходе процесса уже уничтожили. Но Панкрат не терял надежды на успех, тем более что подопытного материала, бомжей, было предостаточно – бутылка водки и очередной герой готов к полёту.

Оказавшись в очередном тупике, Панкрат начал систематический обход всех, имеющих отношение к общению с миром иным. Точно также, как капитан, но своими способами, он быстро отбраковал всех шарлатанов – я остался напоследок. Удача буквально подмигнула ему зелёным глазом и вдруг такой облом, его скрутили и выжимают последние капли жизненных сил.

К моему счастью, Меняйло пока на Панкрата не вышел, а то моя значимость для него в тот же момент стала бы равна нулю. Они с Панкратом два сапога пара, быстро бы нашли общий интерес и не стали мучиться в поисках консенсуса. Одно радовало – процесс реинкарнации пока ему недоступен, поэтому Клещ будет тянуть время, надеясь воспользоваться плодами своей кражи в реальной жизни. Реинкарнация – это покруче смены документов или пластической операции, новая личность с полной историей и пропиской, никто не найдёт, ни от кого не нужно прятаться.

– Отпусти, – прохрипел Панкрат, – иначе я сдохну!

Он действительно выглядел неважно. Куда подевался пышущий здоровьем, уверенный в себе и даже наглый мужчина в самом расцвете сил, пришедший покорять и поработать конкурента? В кресле корчился, с трудом дыша, позеленевший, с искажённым лицом почти покойник, по недоразумению оказавшийся в моём кабинете, а не в морге.

Я отпустил его, втянул иглы, но не убрал защиту, готовый в любой момент ударить на поражение. В душе не было жалости к этому человеку. Да и человеком его можно было назвать с большой натяжкой – существо, по недоразумению владеющее способностями. Указав

на дверь, я не встал, чтобы проводить его мимо Светланы – сейчас он больше думал о том, как бы забраться в нору и отдышаться, чем о мести и нападении.

– И каляки-маляки свои от входа заberi, а то я ведь повторить могу, – пригрозил я.

С такими нужно вести себя жёстко, иначе будут гадить, надеясь на слабинку. Панкрат с готовностью закивал головёнкой, трясущимися руками с трудом открыл дверь кабинета, как мог быстро пробежал до выхода и скрылся.

О происшедшем пришлось рассказать Светлане, хотя и здесь не обошлось без купюр – обычный наезд на конкурента, получил в лоб и удрал. Будем надеяться, что не вернётся, хотя подгадить может. Где-то так выглядела сокращённая версия эпохальной битвы экстрасенсов. Вам может показаться, что я преувеличиваю, но для меня визит Панкрата был своеобразной Курской дугой и проиграть в этой битве я не мог. Ситуация осложняется, как её разруливать понятия не имею, да и посоветоваться не с кем. Чёрт, жил ведь спокойно, куда тебя понесло, придурок? Какие тебе способности понадобились? Ну, получил ты их, счастлив?

То ли Панкрат свой отворот не убрал, то ли его последствие осталось, но в тот день больше никто не потревожил покой нашего брутального офиса супермегапупермага, разговаривающего с мёртвыми. И, слава богу, можно закрыться пораньше, отдохнуть на полную катушку, отдав должное еде и любви! Или сперва любви, а потом еде? А, ладно, дома решим! Нужно научиться радоваться тому, что есть, а не жить ожиданием грядущих проблем. Делу время, потехе час, как говорили люди ещё с той поры, когда «время» и «час» были синонимами.

Уснули мы в счастливом неведении, что судьба уже приготовила нам массу самых разнообразных и неприятных сюрпризов, которые сделают весь наш следующий день праздником неожиданных открытий и похудения кубышки. За всё нужно платить, в том числе и за право делать людям добро! Кстати, за последнее в нашей стране требуется платить особенно много – услуга опасная, её предоставление может вызывать в клиентах резонные вопросы, а почему те, кто за это получает деньги от государства, не делают то же самое бесплатно?

* * *

Пока Светлана героически отражала набеги чиновников различных ведомств, снова озаботившихся нашей благонадёжностью, я закрылся в кабинете и занялся исследованием собственных способностей, неожиданно проявившихся вчера.

Возможность черпать энергию из иного мира для собственных нужд, способность создавать защиту и атаковать, используя ту же самую энергию, чтение мыслей. Кстати, о последнем говорила Машенька при самой первой нашей встрече, а я ей не поверил, посчитав, что подобное доступно только тем, кто уже за барьером.

Балда, так ты и был в этот момент за барьером, ты же совал зачем-то туда руку, что-то там тебе было нужно. Ну, хорошо, это можно попробовать в следующий раз на каком-нибудь добровольце, хотя... что-то мне слабо верится, что кто-то согласится на вторжение в своё сознание добровольно. Вот скажи я Светлане, что могу читать её мысли и как долго мы пробудем вместе? И не хочу я знать, что она думает, это всё равно, что подглядывать в туалете – противно, отвратительно, гадко. Хорошо, значит, не на добровольце, а на жертве! Да таких кругом полно, мне ведь не нужно окуна́ться в их сознание на полную глубину, всего лишь понять – могу или нет?

Кстати, что они там так расшумелись в приёмной? Никогда не слышал, чтобы Светлана так орала, да ещё такими словами!

– Вы мне ещё под юбку загляните! Что вам показать, где вы ещё не были? Вы сами ваше распоряжение, по которому сюда пришли, покажите! Что значит, нет с собой? А где ваше удостоверение? В другом пиджаке оставили? А почему вы не в форме? Вам положено выходить на объекты в форме! Да, я это точно знаю! Телефон вашего начальника, быстро! Что значит

зачем? А я ему сейчас позвоню и спрошу, что вы тут делаете, в курсе ли он, чем вы тут занимаетесь?

Они меня даже не заметили. Светлана метала громы и молнии, плешивый мужичок стоял набычившись и требовал показать ему ещё что-то, иначе он составит протокол. Отличный кандидат!

Повторяем упражнение. Рука в барьер, направляем лучик в голову кандидата и... регулируем громкость, пока не оглохли. Оказывается, мысли тоже могут быть громкими.

Среди скрываемого внутри мата и обещаний немедленно поставить точку на деятельности нашего кооператива обнаружилась интересная деталь – Панкрат, звонящий этому чиновнику и просящий оказать ему услугу. Вот же сволочь, а я по простоте своей решил, что достаточно его проучил, надолго хватит. Ан нет, быстро оклемался и ринулся в атаку. Получай, фашист, гранату! Упражнение номер два – лучик из читающего превращается в жалящий, чиновник внезапно умолкает, морщится, хватается за голову и оседает на стул, хватая воздух, как рыба, попавшая на воздух.

– Вам нехорошо? – испугалась Светка, решившая, что это её стараниями здоровье настырного чиновника неожиданно ухудшилось. – Водички, корвалол, но-шпу?

– Да, оставь ты его, – вмешался я, втянув жалящие лучики. – Видишь, товарищу уже лучше, он уже уходит. Правда? И Панкрату привет передавайте, скажите, ещё раз так сделает, я его в асфальт закатаю. Да-да, именно так и передайте! Портфельчик забыли и шляпу!

Светка озадаченно переводила взгляд с позорно убегающего чиновника на меня и обратно, чувствуя, что без моего вмешательства тут точно не обошлось.

– Я что-то не знаю о тебе? – она сцепила пальцы, в её голосе звучал металл. – Мы вроде договорились не врать друг другу!

Правда? Не помню, но на всякий случай поверю, потому что спорить со Светкой в таком состоянии себе дороже. Излагаем сильно укороченный вариант легенды о возможности воздействия, связываем его с уже известным инцидентом, произошедшим с гопником, а затем и с Панкратом. Радует, получаем свою порцию аплодисментов!

– Хреново, – грустно резюмировала Светка не вполне характерным для себя словом. – Господи, за что нам это? Мы же хорошие, зачем нас испытывать на вшивость? Вот скажи мне, Миша, кого мы в этом мире обидели, кому дорогу перешли, за что на нас всё это падает с неба?

При последних словах я инстинктивно кинул взгляд вверх и поёжился, вспомнив ужас, охвативший меня сразу после падения кирпича.

– Много кому, – неохотно признался я. – Конкуренты не дремлют. Услуга уже востребована, рынок создан, клиент готов, настала пора убрать лишних. Нам этим заниматься некогда, да мы и не будем, потому что хорошие. А они будут, потому что хотят денег, денег и ещё раз денег. И доброты в них ноль!

* * *

По утрам Светка, накормив меня завтраком и убедившись, что я не надену светлые носки к тёмным брюкам, убегала в офис – к приходу доктора всё должно сиять чистотой, свежестью, порядком. Персоналу надлежит занимать позиции, согласно штатного расписания, быть мобилизованным и мотивированным к долгому трудовому дню. Без командира в большом хозяйстве сложно, а Светка – тот ещё командир, сказывается педагогический опыт.

Мне разрешалось ещё немного поваляться на диване, а потом неспешно пошагать в офис. Утренний променад – лучшее средство для плавного пробуждения и настроя на работу. Ты один в потоке людей, спешащих на работу. Никто тебя не окликает, никому ты не нужен, безликий, равный среди равных, никто. И это очень важно, почувствовать себя песчинкой на огромном пляже, каплей в океане, листочком в лесу. Поэтому с утра мне можно неспешно идти

в офис, даже при огромной очереди, уже ждущей моего появления. Почти бог, но, скорее, раб чужих желаний.

В это утро воздух был особенно свеж и чист, ночная гроза промыла его до кристальной прозрачности и насытила озоном. Я с удовольствием дышал полной грудью, наслаждаясь каждым вдохом. Главное в такие моменты не столкнуться с кем-нибудь или не споткнуться обо что-то.

– Чо, доктор, вот и встретились снова! – услышал я до боли знакомый голос.

Обернувшись, ещё не веря ушам, увидел недавно поверженного гопника – он и его компания быстро окружили меня, явно намереваясь отомстить за недавнее унижение их главаря.

Даже не думая, черпнул энергию из барьера и кинул её щедрым веером в окруживших меня отморожков. Никакого эффекта!

– Что, Михаил Григорьевич, не получается?

Господи, и этот здесь? Панкрат? Скорее всего, они сговорились и заранее подготовились – Панкрат каким-то образом блокировал мои способности, а гопникам предоставлялась возможность тупо замесить меня кулаками, ногами и обрезками арматуры, наличие которых они не скрывали. Каждый получал своё, а мне предлагали по-быстрому перейти в мир тех, с кем я так успешно разговаривал.

В такой ситуации выражение «хреново» не совсем точно отражает масштаб проблемы. Делать нечего, будем отбиваться, чем бог послал. В конце концов, зря я, что ли, ходил два месяца в карате в третьем классе? Давно, правда, но мастерство не пропьёшь! Ха! Ча! Я встал в стойку, чем сильно рассмешил пацанов. В животе стало совсем противно, не хотелось помирать вот так бесславно от рук каких-то ублюдков в такой день, но вариантов, похоже, не предвиделось.

– Это что тут происходит? – услышал я знакомый голос.

С противоположной стороны улицы к нам спешил Николай, одетый не в форму, а в обычный спортивный костюм. Это и подвело гопников, принявших его за борзого прохожего, которого нужно проучить по-быстрому.

– Чо, парниша, жить надоело? Хиляй мимо, пока цел! Ты чо, не понял, убогий?

Николай не стал ввязываться в разговоры, с ходу ударив первого набежавшего ребром ботинка под коленную чашечку, а второму всадив кулак в кадык. Третий, заскулив, упал и свернулся калачиком от жёсткого удара ногой в солнечное сплетение. Остальные отпрянули назад, смелые лишь против беззащитных.

Панкрат, решивший поддержать отморожков, отвлёкся от меня, начал что-то бормотать под нос, намереваясь, по всей видимости, применить какое-то быстродействующее заклинание. Это стало его роковой ошибкой, я оказался на свободе и тотчас же запустил в него самый мощный заряд энергии, какой смог собрать за это краткое мгновение.

Хлоп, Панкрат почувствовал удар, но устоял. Попятился, выстраивая уже защиту, а не нападение, помня, что я могу с ним сделать, дай мне возможность. А затем и вовсе позорно сбежал, оставив подельников на произвол судьбы.

– Спасибо, Коля, – я благодарно пожал его мужественную руку. – А теперь не мешай, я тут разберусь с подонками по-своему.

Уложить их мордами в асфальт и заставить прочувствовать все муки ада теперь было достаточно легко. Энергия лилась потоком из барьера, выстреливая остро жалящими иглами в катающихся и визжащих от боли хулиганов. Но мне их было не жалко – пусть на себе почувствуют всё то, чем они щедро одаряли окружающих. Я бы их точно убил, слепая ярость переполняла меня, отключая всякое чувство жалости. Но в какой-то момент что-то ударило меня в голову. С тылу подобралась, сволочи – мелькнула прощальная догадка.

* * *

– Кувалдин, тебя кто просил отправлять его в нокаут? – услышал я, как сквозь вату, знакомый голос. – Нельзя было поделикатнее? Это же эксперт, единственный в своём роде специалист, а ты его кулаком по башке, как гопника последнего. Тебе было сказано защитить, а не угрожать!

– Товарищ капитан, он же не в себе был, – оправдывался Николай. – Я и кричал, и останавливать пытался, а он на меня так зыркнул, что ежу понятно – ему сейчас всё по барабану, он бы их убил точно. А нам зачем восемь трупов на участке? И его под суд отправят за преднамеренное убийство! Ищи-свищи потом этого эксперта, закатают лес валить лет на десять.

– Вот моли бога, Коля, чтобы он оклемался и без последствий! Потеряет свой дар, мало не покажется, – выговаривал Леонид Петрович, – знаю я этих предпринимателей, за копейку удавятся.

Пришлось сделать вид, что я только что очнулся и не слышал сказанного в мой адрес.

– Где я? – главное не переиграть. – Леонид Петрович? Коля? А эти где?

– Вот, Леонид Петрович, я же говорил, что ничего с ним не сделается, крепкий парень! – Николай кинулся ко мне. – Как себя чувствуешь, Миша? Ты это, извини, что я тебя немного того, – он потёр кулак.

– Видать, было за что, – смиренно ответил я, стараясь поменьше трясти головой.

– Эти в камере, рады до жо... в смысле, что живы остались, но идут в полный отказ – мол, чисто прикололись, никто не подстрекал и никакой арматуры не было. Заявление писать будешь?

– А надо?

– По уму надо, но сейчас они точно хвост прижмут и растворятся, а у нас конец квартала, сам понимаешь – статистика захромает, – пояснил Леонид Петрович. – Нет, ну, ежели на принцип пойти, то я могу им вкатить статью за нападение на сотрудника полиции, но дело в том, что они могут заявить, что защищали тебя, то есть вас, Михаил Григорьевич, когда полицейский начал вас избивать. Такой вот казус может получиться.

– Ну, тогда я ничего не пишу? – снова уточнил я, чувствуя, что пользы от моего заявления не будет, а маеты не оберёшься.

– На том и остановимся, – обрадовался капитан. – Суток на пятнадцать я их закрою за хулиганку, они к этому привычные и выступать не станут. А там что-нибудь придумаем.

– А с Панкратом что делать?

– С каким Панкратом? – капитан вопросительно посмотрел на Николая, а тот лишь пожал плечами в недоумении.

– Ну, там ещё мужик был в такой необычной шляпе ковбойской. Неужто не видел? – не поверил я.

Не заметить Панкрата было попросту невозможно, он не скрывался, стоял в открытую совсем рядом с местом драки.

– Не было там никого, – уверенно ответил Николай. – У меня глаз-алмаз, я картинку чётко секу, если бы мужик был, я бы его срисовал.

Надо же, выходит Панкрат ещё и глаз от себя отвёл, чтобы подстраховаться. Опасный противник, с таким нужно держать ухо востро, чтобы не помереть раньше времени.

Расстались мы с мужиками тепло, но одна фраза капитана никак не давала мне покоя «тебе было приказано защитить». Так Николай там не просто так появился? Он меня должен был постоянно охранять или капитан подозревал что-то подобное? Да ну, как он мог такое подозревать? Хотя при слове «Панкрат» он явно вздрогнул, словно это имя ему было знакомо.

Чертовщина какая-то, паранойя сплошная, нужно срочно менять мировоззрение, люди жизнью рисковали, о тебе заботились, а ты даже их спешешь во враги записать. Леонид Петрович был прав – удары по голове даром не проходят!

ЗДРАВСТВУЙ, МАША!

Светлана постоянно вспоминала о погибшей дочке. Без плача и слёз, душевно, словно она и не умерла, а просто уехала в деревню к бабушке и вот-вот должна вернуться домой. Видимо, это было очень важно для них обоих – поговорить. Сколько невысказанного мы тянем за собой по жизни, не имея возможности вернуться чуть раньше того страшного момента, чтобы сказать простое «Я тебя люблю!», а не «Ты опять не выключила свет в спальне!»

Мне казалось, что я знаю Машу не то что с детства, а практически с момента зачатия, столько подробностей из её жизни было мне рассказано. Светлана варила суп и говорила, что Маша любила побольше морковки, стирала вещи и неожиданно вспоминала, что Маше к лицу было платьишко с ромашками, мы просто гуляли по улице и оказывалось, что Маша любила гулять именно в этом парке.

Понятное дело, что родители никогда не забывают своих детей, как бы далеко они не находились и что бы их не разделяло. Даже смерть не сможет разлучить родителей с детьми – они живут в их памяти, в оставшихся вещах, домах, дорогах. У меня не было детей, но порой мне казалось, что Маша была и моим ребёнком тоже.

Повторно пытаюсь попасть на работу, я быстрым шагом нёсся по улице, навёрстывая упущенное время. Переживая за клиентов, которые сейчас укоризненно смотрят на часы и думают про меня всякую нехорошую ерунду, я едва не наступил на лапу собаке, лежащей в тенёчке у стены дома. Небольшая, чёрная, как смоль, похожая на большую лохматую щётку для обуви, она буквально распласталась на асфальте, тяжело дыша и высунув язык. Рядом с ней на корточках сидела маленькая девочка в цветастом платьишке и двумя аккуратными косичками, гладила по лохматой голове и что-то негромко говорила.

Увидев меня, девочка сперва заругалась на неуклюжего дядьку, а потом вдруг сообразила, что я могу ей в чём-то помочь.

– Дяденька, собачке плохо, ей нужен доктор! – она смотрела на меня снизу вверх и говорила таким жалобным тоном, что мне захотелось немедленно превратиться в Айболита. – Если никто-никто ей не поможет, она умрёт, как наша бабушка.

Девочка всхлипнула, видимо, вспомнив бабушку. Мне бесконечно жаль и девочку, и её бабушку, и эту собаку, но я спешу на работу. Меня там ждут! Куда я собаку дену? К тому же этих бродячих собак в городе тысячи, тут люди живут хуже собак, а я буду с собаками бегать по ветеринарам.

– Ну, что ты, маленькая? Она не умрёт, скоро придёт её хозяин и обязательно заберёт домой. Видишь, собачка просто не хочет уходить с этого места, она кого-то здесь ждёт. Представляешь, что случится, если мы её заберём и хозяин её никогда не найдёт? – я старался говорить убедительно, но девочка смотрела на меня с недоверием и явной неприязнью.

Ещё немного и я бы уговорил себя, твёрдо ответив девочке, что умирают все, с этим ничего не поделаешь, а девочке нужно идти домой. Но что-то непонятное тревожило меня, не отпускало, не позволяло уйти от этой трагической сцены прочь. То ли искренние чувства девочки, то ли укоризненный взгляд собаки, словно говорящей – ты же не такой, как все!

Интуитивно я выпустил «читающий» лучик, пытаюсь понять или успокоить девочку, но случайно угодил им в собаку. Та вздрогнула и повернула голову, словно стараясь помочь мне. Никогда раньше я даже не пытался «прочитать» животных, хотя это могло быть интересно и прикольно. Видимо, приколов мне в жизни хватало, а «читать» я научился относительно недавно.

Господи, что это? Собака смотрела пристально, ожидая от меня решительных действий, а мне казалось, что я схожу с ума – на какое-то мгновение я увидел в сознании собаки Машу. Именно такой, как она пришла в мой сон тогда, в первый раз – она смотрела и улыбалась.

Девочка, а не собака. Картинка дёрнулась и пропала. Потому что я ошалел от увиденного. Пришлось срочно и уже целенаправленно повторить эксперимент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.